

Алисия и Алекс ОУЭЛЛ

ВЫСШАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Роман-трилогия

Алисия и Алекс Оуэлл

Высшая справедливость.

Роман-трилогия

«Издательские решения»

Алисия и Алекс Оуэлл

Высшая справедливость. Роман-трилогия / Алисия и Алекс Оуэлл — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900126-9

Действие романа происходит в США на протяжении более 30 лет — от начала 80-х годов прошлого века до наших дней. Все части трилогии, различные по жанру (триллер, детектив, драма), но объединенные общими героями, являются, по сути, самостоятельными произведениями, каждое из которых в новом ракурсе рассматривает один из сложнейших вопросов современности — проблему смертной казни.

ISBN 978-5-44-900126-9

© Алисия и Алекс Оуэлл
© Издательские решения

Содержание

Книга I. Держись, Стив!	6
Часть I	7
Глава 1. Стивен	7
Глава 2. Казнь	12
Глава 3. Брендон	14
Глава 4. Побег	17
Глава 5. Короткие встречи	21
Часть II	29
Глава 6. Лесной домик	29
Глава 7. Огненная стихия	33
Глава 8. Выбор	39
Глава 9. День рождения	42
Глава 10. Всё испытать	46
Глава 11. Сатанинское безумие	49
Глава 12. Розовые розы	54
Глава 13. Кровные братья	58
Часть III	64
Глава 14. Новое заточение	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Высшая справедливость

Роман-трилогия

Алисия и Алекс Оуэлл

Переводчик А. Н. Драгункин

Переводчик Л. В. Калинина

Иллюстратор Е. Н. Морозов

Дизайнер обложки Е. Н. Морозов

© Алисия и Алекс Оуэлл, 2017

© А. Н. Драгункин, перевод, 2017

© Л. В. Калинина, перевод, 2017

© Е. Н. Морозов, иллюстрации, 2017

© Е. Н. Морозов, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4490-0126-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга I. Держись, Стив!

Часть I

Глава 1. Стивен

Сдержанный, но очень дорогой черный «мерседес» резко выехал из-за угла и остановился у ворот *...ской тюрьмы. Дверца машины звонко хлопнула, и высокий молодой человек в очках и с портфелем в руке уверенным шагом направился к входу.

Адвокат Брендон О'Брайан не был новичком в своем деле, но, несмотря на это, он еще не утратил врожденного умения сочувствовать и сопереживать. Не теряя твердой убежденности в том, что преступники остаются преступниками и что снисхождение к ним ни в коей мере не может являться руководством к действию, он, тем не менее, каждый раз, принимаясь за новое дело, пытался встать на место своего подзащитного, чтобы увидеть ситуацию его глазами. И часто в этом рискованном стремлении Брендон «переигрывал», сродняясь с каждым клиентом так, как хороший актер сродняется со своей ролью.

Подобный стиль работы был, несомненно, весьма продуктивным, но слишком изматывающим. Ну а если дело заканчивалось вынесением смертного приговора, тут уж Брендону бывало совсем туго. Адвокат долго после этого приходил в себя, постоянно задаваясь вопросом: все ли он сделал правильно, все ли возможности использовал? Коллеги считали его специалистом высокого уровня, но человеком излишне чувствительным.

С последним клиентом – Стивеном Кларком – сложности у О'Брайана начались сразу, так как обвиняемый поначалу вообще отказывался от защиты. Адвокату пришлось приложить немало усилий и употребить все свое красноречие, чтобы уговорить Кларка не отказываться от его услуг.

Дело Кларка не доставило правосудию особых хлопот. Обвиняемый с самого начала полностью признал свою вину. Свидетелей имелось предостаточно, и исход дела был ясен как божий день.

Однако для О'Брайана все оказалось гораздо сложнее. Ему пришлось изрядно попотеть, чтобы разговорить своего подзащитного. Но по мере того, как адвокат углублялся в дело, у него все отчетливее создавалось впечатление, что у Кларка не было серьезных мотивов для убийства. Поэтому О'Брайан очень скоро пришел к мысли, что преступление было совершено либо в состоянии аффекта, либо под воздействием каких-либо наркотических веществ. На одном из этих вариантов он и собирался построить всю защиту, оценивая шансы на успех как хорошие.

Но все расчеты адвоката в миг разбились о признание подсудимого, что свою бывшую жену он убил преднамеренно, в здравом уме и ясной памяти. Переубедить его и уговорить отказаться от своих показаний О'Брайану так и не удалось. Кларк продолжал утверждать, что отдавал себе полный отчет в том, что совершал. Он упорно настаивал на своем, словно не представлял, к каким неминуемым последствиям это приведет.

В итоге преступление было признано убийством первой степени, а обвиняемый Стивен Кларк приговорен к смертной казни.

О'Брайан, естественно, собирался опротестовать решение суда и, несмотря ни на что, продолжал оставаться при своем мнении об истинном характере этого преступления. Но Кларк наотрез отказался от подачи апелляции, в результате чего срок от момента вынесения приговора до приведения его в исполнение оказался минимальным.

Коллега, повстречав в коридоре суда опечаленного провалом О'Брайана, сочувственно похлопал его по плечу: «Ничего. С кем не бывает? Зато быстро». Брендон кивнул в ответ. Собственно, в тот момент его больше удручало другое: даже и по окончании процесса, после

нескольких месяцев почти ежедневных длительных бесед Стивен Кларк продолжал оставаться для него темной лошадкой.

Этот высокий, атлетического сложения молодой человек – незадолго до того, как они повстречались, Стивену исполнилось двадцать восемь – обладал редкой притягательностью. Надо сказать, что все черты его лица – высокий лоб, прямой нос, ровно очерченный, с пухлыми губами рот, немного тяжеловатый подбородок и поблескивающие из-под густых ресниц зеленовато-карие глаза – ничем особо не отличались. Но достаточно было бросить беглый взгляд на это лицо, как тут же возникало ощущение какой-то незавершенности, недосказанности, заставлявшее посмотреть на него вновь.

Стивена Кларка отличали, с одной стороны, устойчивое жизнелюбие, по-детски свежая непосредственность в восприятии мира, подкупающая собеседника мягкая ироничность, а с другой – полное пренебрежение к собственной судьбе, отсутствие какого-либо намека на раскаяние и временами прорывающийся отчаянный цинизм. Уже с самого начала Брендон обратил внимание на то, что у Кларка очень своеобразная манера улыбаться: первыми вспыхивали глаза, затем проснувшаяся где-то внутри радость выплескивалась наружу, и тогда уже расплывалось в улыбке все лицо.

Поэтому немудрено, что такой человек, как Брендон О’Брайан, быстро проникся к своему клиенту искренней симпатией. Но сколько Брендон ни пытался, он так и не сумел ответить самому себе на вопрос: «Где скрытая пружина этой странной натуры?» Мысль эта продолжала будоражить его, заставляя снова и снова искать общения со своим подзащитным.

Кларк был из числа тех заключенных, кто приносит руководству тюрьмы одни беспокойства. Уже будучи приговоренным к смертной казни, он не изменил своим привычкам и, коротая последние дни в камере смертников, продолжал донимать надзирателей бесконечными придирадками, уличая их в неправомочных действиях, в нарушении своих прав и настаивая на прибытии независимых комиссий. Он постоянно чего-то требовал, выпрашивая массу совершенно ненужных ему мелочей и поблажек: от коврика на стене и розовых роз на столе до любимых фруктов. Притом что на свободе Кларк не испытывал особой тяги ни к роскоши, ни к излишествам и привык довольствоваться в жизни гораздо меньшим. Похоже, что изводить охранников просто доставляло ему удовольствие.

Как ни странно, но адвокату Стивен просьбами почти не досаждал, за что Брендон, продолжавший регулярно навещать его, был ему от души благодарен.

И сегодня, накануне казни, Брендон О’Брайан считал своим долгом посетить Кларка.

– Ну что? – спросил он сидящего на постели Стивена. – Опять ущемляют твои права человека?

Тот кисло посмотрел на него, по-жонглерски катая на ладони спелый персик:

– Это хорошие персики, но не те, что я просил.

– Здесь тебе, однако, не ресторан, – заметил Брендон.

– Когда я был совсем маленьким, у нас был чудесный сад – из одних персиковых деревьев... Мне казалось, что их целый лес! И я тогда думал, что на всей земле растут одни только персики... – задумчиво проговорил Стивен.

Брендон пристально поглядел на него. Ему хотелось бы сейчас спросить и больше, но он ограничился вопросом:

– Вспоминаешь детство?

– Нет. Я предпочитаю вообще ничего не вспоминать. Зачем? Хорошее – жалеть, что не вернешь, плохое – душу бередить.

– О чем ты сейчас думаешь? – все-таки не удержался Брендон.

– Так... о разном... А лучше сказать – ни о чем.

– Неужели ты не думаешь о завтрашнем дне?! – изумленно воскликнул О’Брайан.

– Брендон, – поднял на него глаза Кларк, – завтра я отправлюсь туда, куда все мы без исключения рано или поздно отправимся. Только каждый из нас почему-то считает, что с ним это произойдет еще очень-очень нескоро, так нескоро, что неизвестно, произойдет ли вообще, и, как часто бывает, в этой уверенности он на следующий же день умирает... В нашем мире это проще, чем в первобытной стае! Вся разница между мной и тобой, Брендон, в том, что ты не знаешь часа своей смерти, а я знаю. Мне легче... К тому же я надеюсь, что путешествие в мир иной окажется достаточно увлекательным.

Брендон чертыхнулся:

– Ты говоришь о предстоящей казни, как о загородной прогулке! Это невыносимо!

– Невыносимо для кого – для тебя?

– Это кошунство перед теми, кто прошел этот путь раньше!

Стивен пожал плечами в ответ.

– Тебе вообще приходилось испытывать какие-нибудь человеческие чувства: сожаление, раскаяние, отчаяние, страх? Похоже, они тебе мало понятны! – запальчиво произнес Брендон. – Можно подумать, что тебе совершенно нечего терять в этом мире!

– Отчего же...

– Ну что именно? Назови.

– Я не хочу об этом говорить! – отрезал Стивен.

Брендон почувствовал, что на этот раз допустил бестактность:

– Прости...

Оба замолчали. Но Кларк был не из тех, кто обижается по пустякам, и через минуту заговорил снова:

– Брендон, я ведь имею право на последнее желание?

– Ну, если это не будет переходить границы разумного, я думаю, твою просьбу удовлетворят.

– Это не будет переходить границы. Я хочу сегодня заказать сюда ужин при свечах.

– При свечах?

– Хороший ужин, – продолжал Стивен, – из лучшего ресторана, с дорогим вином. Ужин на двоих.

Брендон дико посмотрел на него.

Стивен удивился его реакции:

– Ты разве не составишь мне компанию? Что же, я буду пить как свинья один?

– Может быть, для тебя еще и девочку заказать? – сострил Брендон.

– Девочку сегодня не надо! – засмеялся Стивен.

– Хорошо... я попытаюсь это устроить, – пообещал защитник.

По правде говоря, он был несколько взвинчен сегодня. Первый раз в жизни Брендон О'Брайан сталкивался с человеком, у которого, как ему казалось, патологически отсутствовал страх, и это выводило его из себя.

... Они сидели друг против друга – адвокат и подзащитный, – уже изрядно успевшие друг другу надоесть и тем не менее намертво взаимно притянутые обстоятельствами и глубиной той пропасти, которая их разделяла. Но сейчас между ними был только покрытый белоснежной скатертью и ничем не отличавшийся от ресторанного столик. Свечи, правда, отсутствовали.

Стивен ел неторопливо и со знанием дела. Впечатление создавалось такое, будто он полжизни провел в дорогих ресторанах. Было видно, что на этот раз он доволен.

– Жаль, на целую бутылку поскупились, – сказал он, поднимая пластиковый стакан. – Ну, за тебя и за твои будущие успехи!

Брендон угрюмо молчал.

– Да что ты так убиваешься? Право же, у меня нет к тебе никаких претензий!

– С чего ты взял, что я убиваюсь? – сказал задетый Брендон. – Я честно отработал свои деньги. И мне себя упрекнуть не в чем.

– Ну и отлично!

Разговор явно не клеился, хотя оба они, каждый по-своему, стремились к нему.

– Брендон, а какое напряжение подается на электрический стул во время казни? – спросил вдруг Стивен.

Адвокат поперхнулся:

– Охота тебе сейчас говорить о таких вещах... Не помню точно, – нехотя выдавил он, – кажется, две тысячи вольт.

– Не слабо! – присвистнул Стивен. – Мне кажется, тысячу я бы еще выдержал...

– Что ты несешь?! – поморщился Брендон. – Люди нередко гибнут от электричества у себя дома, где напряжение в двадцать раз меньше.

– Это *они* гибнут... потому что боятся... – сдавленным шепотом проговорил Стивен.

Брендон посмотрел с вызовом:

– А ты не боишься?

– Нет!

– И можешь сказать почему?

– Не знаю! Я, наверное, таким родился.

Брендон, подперев голову рукой, уставился на своего подзащитного. Удивительно: почему этого человека, с которым он так долго общался и которого так долго изучал, разгадать до конца он так и не сумел?

– Видишь ли, – снова заговорил Стивен, – в «Ридерз дайджест» я как-то прочел, что люди гибнут иногда только из-за того, что не могут *воспротивиться смерти*. Гибнут, скованные мертвой хваткой собственного страха. Но на самом-то деле они больше боятся не смерти, а *процесса умирания*. Если бы люди были уверены, что смогут умереть мгновенно – быстрее, чем успеют это почувствовать и осознать, – то многие проблемы решались бы гораздо быстрее и, может быть, сейчас на планете было бы не так тесно...

О'Брайану претила эта манера Кларка раздевать любую мысль донага, пока она не превратится в свою противоположность. Но сейчас он не стал возражать ему.

– Хорошо... В таком случае я желаю тебе, чтобы завтра все произошло именно так... Быстрее, чем можно почувствовать... – Брендон выпил залпом.

– Знаешь, – произнес Стивен, откинувшись на спинку стула, – а ведь страх перед казнью – это страх того же свойства: человеку кажется, что за всю жизнь он не испытывал такой боли, как та, что должна привести его к смерти. То есть это страх перед неизбежной болью. И страх этот постоянно в тебе, с ним встаешь, с ним ложишься...

– Прости, но как тебя понимать? О каком страхе ты говоришь? Минуту назад ты сказал, что ничего не боишься.

– Разве? – мотнул головой Стивен. – Ну да, конечно... я, собственно, не о себе сейчас... Ты же сам знаешь, как здесь иногда по десять-пятнадцать лет ждут казни. Как они живут? Как вообще можно жить в постоянном ожидании смерти?

– Наверное, так же, как смертельно больные, – примиряются с неизбежностью. Ничего другого им просто не остается.

– Да, человек привыкает ко всему... Но я бы так не смог. – Стивен сдвинул брови и задумался.

Брендон не прерывал его молчания, чувствуя, что выговорился тот еще не до конца.

– Мне кажется, – вновь заговорил Стивен, – что людям просто не хватает воображения. Если бы они хоть на минуту представили себя на месте осужденных... Но они не могут – или не хотят – этого сделать и не замечают, как сострадание уходит из их сердец... – Он сверк-

нул глазами в сторону напряженно слушавшего Брендона. – Ожидание казни – это наказание, и может быть, более тяжкое, чем само преступление. Я имею право это утверждать!..

Снова воцарилось молчание. Кларк сидел в напряженной позе, опустив голову, в нем происходила явственная внутренняя борьба. Такие пространные откровения подзащитного оказались для О’Брайана новостью – иногда на протяжении нескольких часов ему не удавалось выжать из Кларка и двух слов.

– Я не спорю... – тихо начал адвокат, – кто не испытал...

Стивен перебил его на полуслове:

– Ты хорошо помнишь, как звучит моя статья?

О’Брайан поморщился.

– Так вот, Брендон... Я долго думал над этим. И теперь считаю, что казнь – это то же *убийство приотягчающих обстоятельствах* – преднамеренное, хорошо спланированное *убийство*! Потому что как давать жизнь, так и забирать ее – право одного Творца. Жизнь – слишком прекрасный и непостижимый дар, чтобы ее можно было вот так взять и конфисковать в законном порядке, просто как какую-то вещь. Но на деле... право распоряжаться жизнью присваивает себе *общество*. Оно считает, что даже за убийство одного своего члена *имеет законное право убивать*! Само же общество при этом на протяжении веков губило и губит миллионы людей! ...Что дает казнь? Разве она чему-нибудь учит? Исправляет преступника? Компенсирует потерю? Или от этого становится меньше преступлений? Единственное, чего удается достичь обществу в результате казни, – это усмирить свой страх. Проще отправить преступника в мир иной и спокойно спать, чем постоянно проверять засовы в тревоге за собственную безопасность. Страх порождает жестокость. От средневековых костров и пыток прошли сотни лет, а мы не можем отвыкнуть от них и сейчас. А как же с этим: «*Каждый человек имеет право на жизнь*»? Выходит, это право с оговоркой? ...Наверное, человечество когда-нибудь и придет к милосердию... Но для этого ему нужно научиться *сострадать*! – Стивен тряхнул головой: – Почему ты молчишь? Разве я не прав?

Неожиданное красноречие подзащитного изумило Брендона, и он ответил не сразу:

– Я... слушал тебя. Но знаешь, меня всегда больше волновала другая проблема. А именно – постоянно существующая, пусть и минимальная, возможность судебной ошибки.

– Ну, это уж как судьба... – задумчиво протянул Стивен. – Понимаешь, я ведь говорю, что *любая казнь – убийство*. Мне кажется, что не должно быть такого закона, по которому можно убивать, потому что *убивать за убийство – это месть*. Но закон и месть – вещи разного порядка. Я так считаю! В двадцатом веке пора бы уже забыть о древнем принципе «око за око». И, главное, никто не задумывается о том, что предстоит испытать осужденному... А может, и наоборот, сознание того, что он претерпит не только физические, но и несравнимо более тяжкие душевные муки, приносит удовлетворение... Наверное, было бы милосерднее давать осужденным наркотики... хотя бы перед казнью.

Адвокат насупился и ультимативно произнес:

– Я тебя сейчас не слышал!

– А я ни о чем и не просил, – откровенно удивился Стивен.

Они разговаривали уже достаточно долго, но время пролетело как-то незаметно. Вдумываясь в только что услышанное, О’Брайан вдруг решил, что, будучи неправым по отношению к себе, его подзащитный тем не менее *прав по сути*! И адвокат поймал себя на мысли, что готов слушать и дальше. Но Кларк молчал, и тогда О’Брайан решил на еще один не дававший ему покоя вопрос:

– Стив, я сделал все, о чем ты просил, – я просидел с тобой весь вечер. Услуга за услугу. Ответь мне на последний вопрос: почему ты все-таки убил ее?

– Не знаю! – нехотя буркнул Стивен. – Так получилось...

– Но ты же сам утверждаешь, что долго готовился к этому убийству.

– Готовиться можно к чему угодно и хоть всю жизнь! – раздраженно парировал Стивен. – Перетряхни сейчас нутро первому встречному Дику, Джеку, Бобу – и ты увидишь, что они уже давно готовы с наслаждением размозжить голову своему более удачливому приятелю, любимую прежде жену задушить спящей в постели, а ненаглядных деток отправить куда-нибудь подальше, к дедушке сатане – так, чтоб они оттуда никогда не возвращались! Просто их час еще не настал.

– С тобой невозможно разговаривать! – выдохнул Брендон. – Что ты за человек?!

– Если ты думаешь, что я сильно отличаюсь от остальных, – усмехнулся Стивен, – то должен сказать тебе: ты ошибаешься.

– Я уже не знаю! – с досадой ответил Брендон. – Но таких как ты я еще не встречал.

Стивен зло посмотрел на него:

– Слушай, иди домой, Брендон! Ты мне надоел. Ужин при свечах окончен. Я спать хочу.

– Спокойной ночи, – процедил тот в ответ.

Завершился этот день для обоих в чем-то похоже...

О'Брайан вернулся домой поздно, и осторожно, не желая беспокоить домашних, поднялся в свой кабинет. Спать не хотелось, и он сел к недавно приобретенному чуду техники – компьютеру, – чтобы набросать кое-что для следующего дела. Но работа не клеилась. Брендон отодвинул клавиатуру и долго сидел уставившись в одну точку.

Кларк сразу же завалился в постель, но в одном он точно оказался прав: как и все остальные, он долго не мог уснуть в эту свою последнюю ночь и ворочался почти до рассвета. Но очень может быть, виной тому было лишь обилие съеденной на ночь пищи...

Глава 2. Казнь

Когда на следующий день Стивен увидел входящего к нему Брендона, он заулыбался:

– А я думал, ты не придешь больше.

– Значит, ты думал обо мне плохо. Неважно выглядишь...

– Я не спал всю ночь.

– Понятно... – вздохнул Брендон. – Ну, полежи сейчас, у тебя еще два часа как минимум.

– Лежать, Брендон, я буду в гробу! – мрачно сострил Стивен.

О'Брайан внимательно посмотрел на него: похоже, Кларк сейчас больше раздражен, чем обрадован его присутствием.

– Побывать с тобой это время или хочешь остаться один?

Стивен равнодушно пожал плечами:

– Я тебя не держу...

– Мне нужно навестить одного клиента. Самое большее через час я буду здесь.

– Иди...

Брендон ушел, а Стивен походил немного взад-вперед по камере и повалился ничком на постель. Сейчас уже бессмысленно было вспоминать о том, чего он не доделал, не додумал, не дострадал, и он попытался представить ту туманную неизведанную область, в которой ему предстояло вскоре оказаться... Но быстро поняв, что без потерь для рассудка сделать подобное не удастся, тут же бросил это занятие.

Брендона долго не было. Когда же он вернулся, Стивен понял, что времени осталось совсем мало.

– Скоро меня поведут туда? – спросил он, поднимаясь.

– Через полчаса.

– Брендон, давай прямо сейчас попросимся: я не хочу, чтобы потом это получилось в спешке и с истериками.

Стивен встал. Брендон подошел к нему, и они, не сговариваясь, крепко обняли друг друга. В этот момент Брендон ощутил легкую дрожь в теле своего подзащитного – дрожь, которую невозможно было увидеть, а только почувствовать.

– Только не кори себя ни за что. Ладно? – сказал Стивен.

Брендон кивнул.

– Ты пойдешь посмотреть на меня?..

– А ты этого хочешь?

– Хочу!

– Пойду... – тихо сказал Брендон.

Стивен благодарно кивнул и отвернулся.

Брендон уже собрался было уходить, но вдруг обернулся и произнес:

– Стив... Я не знаю, важно это для тебя или нет... Но... мне будет не доставать тебя.

Стивен расплылся в улыбке:

– Ты сентиментальный парень, Бренд! И я рад, что судьба свела меня с тобой, хоть и при таких невеселых обстоятельствах. Спасибо тебе за все. Ты действительно здорово помог мне.

– Чем?!

– Да просто тем, что был все время рядом. – Стивен подошел к нему вплотную. – Знаешь, что? Не ходи на казнь – это будет для тебя слишком тяжело.

Брендон покачал головой.

– Ну, как знаешь... – Стивен вздохнул: – Брендон... ты так долго копался во мне, отыскивая человеческие слабости... Я скажу тебе только одно: я не боюсь ни смерти, ни боли, я не боюсь казни. Трагедия лишь в том, что я слишком люблю жизнь, данную мне Богом, а как раз ее-то у меня сейчас и отнимут... – проговорил он с чуть удивленным выражением лица.

– Ты говоришь о Боге, а сам отказался от священника. Если ты хочешь, еще не поздно... Я могу попросить.

– Не надо! – Стивен отошел вглубь камеры и не оборачиваясь произнес: – Прощай, Брендон!

Адвокат вышел в некотором замешательстве. Последние слова Стивена так и просились ему в душу, но он не решался поверить в то, что сейчас услышал: слова эти совсем не вязались со стоическим обликом его подзащитного и были чересчур трогательны, чтобы их можно было принять всерьез. Но кто знает: может быть, привычный цинизм был лишь маской, за которой в этот момент О’Брайан увидел истинное лицо Стивена Кларка?..

До казни оставалось меньше четверти часа. Обычно Брендон О’Брайан не позволял себе быть участником подобных зрелищ – видимо, срабатывал защитный рефлекс. А на казни своих подзащитных не ходил никогда. И хотя Брендон не понимал, что с ним сейчас происходит, он знал, что сегодня пойдет непременно, даже невзирая на то, что Стивен предупреждал его...

Брендон собрался с духом и прошел в комнату для свидетелей казни.

Здесь, за тонированным стеклом, отгораживающим помещение, где должно было свершиться правосудие, взгляд его приковало само орудие казни, мрачно возвышавшееся посередине. О’Брайан тяжело вздохнул и, посмотрев выше, пробежал взглядом надписи на стенах зала: «Доверие», «Равенство», «Защита», «Воздаяние»... но не увидел среди них одной, которая, он точно помнил, должна была здесь быть: «Справедливость»... Брендон нахмурился и снова устался на пустующий пока электрический стул, и если бы его спросили, о чем он сейчас думает, он затруднился бы с ответом.

Только когда ввели осужденного, Брендон перевел взгляд и тут же про себя не без радости отметил, что Стивен по-прежнему спокоен и невозмутим. Он шел твердым шагом, не нуж-

даясь в чьей-либо поддержке, а во всем его облике была даже какая-то монументальность. Это поразило адвоката. Но в то же время О'Брайану упорно хотелось уловить сейчас на лице своего подзащитного хоть что-то традиционное, трепетно-человеческое! В какой-то момент ему показалось, что мышцы лица Стивена напряглись в плохо сдерживаемой гримасе, но на самом деле тот лишь выудил языком приставшую к десне фруктовую кожицу и сплюнул ее на пол.

«Он ведет себя так, будто его готовят не к казни, а к медицинскому обследованию!» – изумленно подумал Брендон и скосил взгляд на других свидетелей. Похоже было, что холодное безразличие Кларка удивляло всех, кто на него сейчас смотрел.

Когда все приготовления закончили, осужденному была предоставлена возможность сказать последнее слово.

Стивен повел бровями и произнес:

– Я думаю, насколько интереснее бы все это выглядело, если бы я мог наблюдать происходящее со стороны...

– Это все?

– Да. А вы что, хотели, чтобы я произнес речь?

«Он продолжает в своем духе, а уже через минуту все будет кончено...» – с ужасом подумал Брендон.

Секундная стрелка выразительно защелкала, отсчитывая последние мгновения: десять, девять, восемь... Стивен, с лица которого не сходило выражение абсолютного спокойствия, вдруг закрыл глаза и не открывал их до того момента, пока на отсчете «ноль» его не потряс сильнейший разряд. В эту секунду глаза его широко открылись, но что было в них в этот миг – боль, страх, или уже что-то другое, надчеловеческое, – Брендон так и не смог разобрать...

Легкий дымок поплыл по залу, и в нос сразу же ударил запах гари, способный просачиваться сквозь что угодно. Брендон смотрел прямо перед собой, но не мог больше сконцентрировать взгляд и видел лишь зыбкое темное пятно, окутанное сизой дымкой. Единственное, что оставалось ясно различимым, – это неестественно растопыренные, вздрагивающие пальцы по краям этого пятна.

В горле у Брендона запершило, и он понял, что ему сейчас станет плохо: «Боже мой, эта казнь никогда не кончится! Какими же долгими могут становиться иногда минуты!» Но тут свет снова резко моргнул – спектакль был окончен. Дым и гарь быстро рассеялись, и Брендон увидел, что глаза у Кларка закрыты, а кисти рук теперь безжизненно свисают с подлокотников...

Врач торопливо констатировал смерть. Погасили яркое верхнее освещение и попросили свидетелей покинуть комнату. А потрясенный О'Брайан все стоял и смотрел на казненного – как на нем расстегивают ремни, снимают электроды, и голова его падает на грудь, демонстрируя обожженную кожу на выбритой макушке, как его укладывают на каталку, покрывают простыней и везут по коридору...

Брендон вышел из комнаты и пошел следом – он ничего не мог с собой поделать! В конце коридора, перед лифтом, он подошел вплотную к каталке, медленно стянул простыню с лица: Стивен лежал словно живой. Брендону не хватало сил поверить, что перед ним труп – не человек уже вовсе, а одна лишь его оболочка...

Он покачал головой: «Лучше бы и не смотрел...» – рывком задернул простыню и быстро зашагал прочь.

Глава 3. Брендон

Загнав машину в гараж, Брендон направился было к дому, но тут же понял, что ноги сами несут его в противоположную сторону.

...Он шел, опустив руки в карманы брюк, не заботясь о том, куда и с какой целью идет, не разбирая дороги и не замечая окружающих. Очень скоро он оказался в тенистом парке, где на него сразу же пахнуло прохладой и запахом свежескошенной травы. Но Брендон не отдавал себе отчета в том, что чувствовал и видел вокруг. Ему припомнилось слышанное когда-то изречение, что на смерть, как и на солнце, нельзя смотреть в упор. Верность этих слов он ощутил сейчас всей своей кожей. Сегодня он смотрел на смерть слишком близко и слишком долго, чтобы оставаться после этого зрячим.

Теперь О'Брайан казался себе глупой марионеткой и винил себя за то, что пошел на поводу у своего подзащитного, у собственного любопытства и у еще черт знает чего! Не надо было соглашаться на этот дурацкий прощальный ужин! Не надо было ходить на казнь! В мельчайших подробностях Брендон начал припоминать вчерашний вечер, и ему стало от этого так тошно, что захотелось плакать.

Брендон вдруг вспомнил, что у Стивена была странная привычка: прежде чем что-то сказать или спросить, он пристально и испытующе-иронично смотрел собеседнику в глаза. И было в этом определенно что-то гипнотическое! Брендон быстро привык к этой особенности своего подзащитного – она абсолютно не мешала ему в работе. Но сейчас... он представил себе этот взгляд... и что-то перевернулось у него внутри: ему стало казаться, что преступник вовсе не Стивен Кларк, а преступник *он сам*, попустивший это убийство, свидетелем которого он сегодня был.

Он вспомнил все, что говорил ему вчера подзащитный, – и правосудие, которому О'Брайан так долго и верно служил, представилось ему вдруг кровожадным монстром, исчадием ада! Он подумал, что действительно, отнимая в законном порядке жизнь, общество не только усмиряет этого вечно голодного зверя – свой собственный страх, – но утоляет при этом еще и свою *жажду мести*. Прикрываясь жизненно оправданной целью – защитить себя от преступников, – общество не полагается на мощные решетки и высокие стены, оно просто убивает, безжалостно и без тени сомнения!

В этом и заключается *справедливость*?! И тут Брендону пришло в голову, что надписи, которую он искал – «Справедливость», – он не увидел среди прочих только потому, что она должна была находиться перед глазами осужденного в момент казни! Именно так... Только... *справедливо ли это?*.. Нет, не должно лишение жизни использоваться как наказание! Нельзя этого делать, просто потому, что *нельзя делать никогда!* Действительно, как же можно отнимать то, чего не давал?!

Да, Кларк убил... Но он не заслуживал, чтобы за это убили его самого.

«Нет, ты не заслуживаешь смерти, Стивен! – подумал Брендон. – Почему я не сказал ему об этом? Надо было сказать. Почему не сказал? Почему?!»

От этой мысли Брендон впал в отчаяние. В нем бесплодно боролись губительное чувство неискупимой вины и чувство самосохранения, желание оправдать себя перед самим собой. Но он ощущал полную свою беспомощность в стремлении выбраться из этого нравственного тупика – как будто он провалился в глубокую пропасть без надежды на спасение.

Окинув мысленным взглядом почти десять лет своей практики, Брендон подумал, что, может быть, все это время он занимался не своим делом, что ему надо было бы жить где-нибудь на природе и разводить домашних животных, а не копать изо дня в день в самых темных сторонах человеческого бытия?

Следующее дело, за которое он только что взялся, по первому впечатлению, тоже вряд ли удастся выиграть. «Если оно завершится так же, я этого уже не вынесу! – размышлял Брендон, меряя шагами улицы города. – Может, действительно, бросить все к черту, пока не поздно?» Да, вряд ли он предполагал, что когда-нибудь додумается до такого.

Промучившись полдня, Брендон добрался наконец до дома. Здесь, прямо с порога, его встретил надрывный трезвон телефона. То, что дома никого не оказалось, было и к лучшему. Но вести сейчас какие-то разговоры... О'Брайан вздохнул и поднял трубку.

– Брендон! Где тебя носит?! До тебя весь день не дозвониться! – услышал он голос своего коллеги и сразу же вспомнил, что оставил в тюрьме портфель, который не разрешалось иметь при себе присутствующим на казни. – У нас тут сенсация! Ты что, еще ничего не знаешь? Тогда не упави сейчас: твой Кларк жив!

– Что за дурацкие шуточки? – вяло процедил Брендон. – Я устал, у меня голова раскалывается.

– Да говорю же тебе: это правда! Не будь идиотом – быстро кати сюда! – в трубке послышались короткие гудки.

...Когда всего через тридцать минут после казни в тюремный морг явился наконец застрявший в автомобильной пробке патологоанатом, Стивен Кларк дышал уже совершенно отчетливо.

Неизвестно, какие высшие силы вмешались в судьбу осужденного, но так или иначе, утаить эту шокирующую новость сразу не удалось. Более того, информация почти молниеносно просочилась за тюремные стены. Ответственные за проведение казни лица были в замешательстве: случай, казалось, не имел прецедентов. И так как осужденный находился в бессознательном состоянии, тут же прибегнуть к повторной казни не решились. Кларка перевезли сначала в тюремный госпиталь, а уже в середине дня – в клинику *...ского университета, где имелось отделение с новейшим оборудованием для лечения пострадавших от поражения электричеством и где проводились серьезные научные исследования в этой области.

О'Брайан добрался до клиники только к вечеру. Он предъявил свои внушительные документы, и его беспрепятственно пропустили в реанимационное отделение.

Увидев распростертого на постели Кларка, к рукам которого были прикреплены трубочки капельниц и разноцветные проводочки, Брендон застыл на месте. Вокруг хлопотала целая медицинская бригада. Но не это произвело на него впечатление: в какой-то момент он вдруг заметил, как нижняя челюсть Стивена едва заметно дернулась. Только тогда до Брендона начал доходить истинный смысл происходящего. Он неожиданно глупо крикнул и вслед за этим начал негромко, отрывистыми смешками нервно хохотать. Вряд ли когда-нибудь он был еще так потрясен! И если бы солнце вдруг взошло посреди ночи, он чувствовал бы себя спокойнее, чем сейчас.

Поймав косые взгляды медперсонала, О'Брайан быстро взял себя в руки. «Молодец, дружище! Держись, Стив!» – тихо прошептал он. И тут же заметил, что реаниматоры как-то особенно засуетились, до него стали долетать малопонятные реплики:

– Сильная экстрасистолия!

– Приготовить дефибриллятор! Осторожно, всем отойти! Включаю!

В этот момент новый электрический разряд заставил Стивена вздрогнуть всем телом. Брендон пришел в ужас: «Что они делают: спасают его или добивают?! Подобное подобным?!» Он уже готов был броситься на реаниматоров с кулаками, но возня как-то сразу прекратилась, и Брендон понял, что им удалось вывести пациента из критического состояния.

«Стив, держись! Только не умри сейчас! Выживи! Покажи им всем!» – твердил Брендон. Но что и кому должен был «показать» Стивен, Брендон и сам толком не знал. Единственное, что он сейчас ясно понимал, – так это то, что радость, подобную этой, он вряд ли испытывал когда-нибудь в жизни. Разве что в тот день, когда родился его первенец. Или когда они путешествовали с женой во время медового месяца и их машина, свалившись в кювет, два раза пере-

вернулась, а они, не получив ни единой царапины, потом долго и заливисто хохотали. Но все равно все это было как-то по-другому...

На следующий день Брендон приехал в клинику после полудня. Там его ждало известие, что Стивен Кларк утром пришел в сознание.

– Вы его адвокат? Мы никого к нему сейчас не пускаем, вы же сами понимаете... Исключение только для вас. Но, пожалуйста, не более пяти минут! – Брендон терпеливо выслушал наставления врача и вошел в палату.

Стивен лежал с закрытыми глазами, обвитый проводами и окруженный приборчиками всех калибров. Рядом сидел, уставившись в монитор, молодой ассистент.

– Стив... – тихо позвал Брендон и взял его за руку.

Стивен приоткрыл глаза, гримаса боли исказила его лицо.

– Брендон... – прошептал он, стараясь улыбнуться, – я жив...

– Знаю, знаю! Как ты сейчас?

– О-о-о... – застонал в ответ Стивен. – У меня так голова болит... Это что-то адское...

Даже глаза больно открывать...

– Не открывай, лежи. Все будет в порядке! Это лучший в мире центр. Они тебя вытащат. Держись! Самое страшное уже позади, – быстро проговорил Брендон и пожал его руку.

Стивен ответил слабой улыбкой.

Глава 4. Побег

Войдя утром в палату, Брендон заметил, что сегодня Стивен выглядит совсем молодым – шел уже восьмой день его пребывания в клинике. Стив полулежал, повернувшись набок, и приветствовал адвоката словами:

– Повезло мне с тобой, Брендон!

– О чем ты?

– С адвокатом мне повезло. Кто бы еще стал таскаться ко мне каждый день? Ты один такой.

– Откуда ты знаешь? – уклончиво ответил Брендон, садясь на стул. – Есть разные люди, разные ситуации...

– Ну, все равно, – улыбнулся Стив. – Я тебе очень признателен!

Брендон был тронут этими словами, но ничего не ответил. Ему очень хотелось опять разговорить Стивена, но он не знал, с чего начать.

– Послушай, Стив... Я хочу спросить тебя кое о чем... но ты можешь и не отвечать. Тогда, во время казни... ты закрыл глаза...

– Да. Я молился.

– О чем же можно молиться в последние пять секунд?

– Обо всем. Я произнес три фразы: «Господи, прости мне грехи мои, прими мою душу и облегчи мне последнее страдание».

– У тебя что, раньше времени не было помолиться?

– Это все не то...

– А потом? – допытывался Брендон.

– Потом... я сказал себе: «Все!...» И больше уже ничего не помню.

– Ты не помнишь удара? – изумился Брендон.

– Нет, абсолютно ничего. До тех пор, пока не очнулся здесь.

– А мне показалось по твоему лицу, что ты испытал в то мгновение нечеловеческую боль.

– Может, так оно и было... Но я ничего не помню.

– А когда тебя пристегивали, ты что-то сказал. Что?

– Да, мне в тот момент вдруг стало трудно дышать... или, скорее, я просто заметил собственное дыхание. И я сказал, чтоб они ослабили ремни, – сейчас-то уж не убегу!

Брендон слушал с изумлением.

– Да правда, Брендон, – улыбнулся Стив, – все это не так страшно. Поверь мне! Все зависит только от того, как ты сам относишься к происходящему. Единственно, что сидеть на высоких креслах с прямыми подлокотниками я теперь вряд ли смогу...

Брендон поглядел недоверчиво – ему показалось, что Стивен каждой своей последующей фразой умудряется опровергнуть предыдущую.

– Прости меня за мое глупое любопытство, – тихо проговорил он. – Я не имел права расспрашивать тебя о таких вещах...

– Опять ты ищешь свою вину там, где ее нет, – это у тебя уже мания какая-то! – просто-душно заключил Стивен.

– Кстати, врач, который констатировал твою смерть, уже безработный, – попытался перевести тему Брендон.

– Бедняга! Я надеюсь, его не будут судить?

– Не думаю. Нет никаких оснований считать, что он ошибся преднамеренно. И потом, у него безупречная репутация. К тому же сейчас уже невозможно достоверно определить, была ли вообще ошибка: иногда люди выходят из клинической смерти и без посторонней помощи.

Стивен искоса поглядел на своего адвоката:

– Но признайся, Брендон: у тебя хоть немного поехала крыша, когда ты узнал про меня?

– Да, состояние было не из обычных, – согласился Брендон.

– А ты мне не верил... – протянул Стивен.

Брендон проигнорировал его слова.

– Они сейчас сходятся на мысли, что в твоём случае напряжение в сети каким-то образом оказалось чуть ли не в три раза ниже номинального, иначе это было бы просто невозможно.

– Да, мистика! – съехидничал Стивен, поворачиваясь на спину.

– Каждый считает, как ему понятнее: для кого-то это, наверное, и мистика. Но при определенном стечении обстоятельств собой может дать любая, сколь угодно надежная система, созданная человеком. От этого никуда не денешься – даже если вероятность сбоя оценивается в одну миллионную долю процента. Не дают осечек только законы природы. Пока еще.

– Ну и что теперь со мной будут делать? – спросил Стив, скептически глядя на адвоката. – Исправлять свою ошибку?

– Точно сейчас не скажу, но надеюсь, что повторная казнь тебе не грозит. Все быстро просочилось в прессу. Знал бы ты, какая буря из-за тебя поднялась! И каждый – от сошки до министра – норовит высказать свое мнение на этот счет. Если так и дальше пойдет, дело закончится заседанием Конституционного суда! – со смехом завершил Брендон.

Стивен не разделил его веселости:

– Да? И то хорошо. А то я уже думал, что теперь, в отместку за промашку, мне вкатыт три тысячи вольт.

– Я принесу тебе газеты – считаешь, – улыбаясь, сказал Брендон, еще воодушевленный этой темой.

– Не надо, – равнодушно ответил Стивен. Он лежал, уставившись в потолок, и над чем-то размышлял. – Брендон, а какие у меня шансы избежать пожизненного заключения?

– Думаю, никаких.

– Так не бывает... – протянул он задумчиво. – Пока я жив, шансы всегда есть. Я, например... могу убежать.

– Не смей меня! Ты, наверное, с детства насмотрелся подобной киномуры. Ты не международный террорист, чтобы твои дружки стали доставать тебя хоть из преисподней. Кто станет делать для тебя подкопы?

– Ты! – уверенно ответил Стивен.

Глаза Брендона стали размером с его очки.

– Ты сможешь мне бежать, – повторил Стив.

– Что?! Да ты спятил!

– Ты сможешь мне, Брендон! – твердо произнес Кларк, гипнотически глядя адвокату в глаза.

– Никогда! – выпалил тот. – Даже если бы ты был моим сыном или братом.

– Именно потому, – медленно проговорил Стивен, – что я тебе дороже сына или брата... Я для тебя теперь – воплощение твоей мечты о *Высшей Справедливости*, найти которую ты и не надеялся.

Брендон посмотрел на него с ужасом: Стивен как будто читал его мысли. Брендону действительно стало сейчас казаться, что вся его предшествующая жизнь была лишь подготовкой к событиям последних дней, вывернувшим наизнанку его вселенную.

– Ты долго шел к этому, док! Такое не проходит даром! – торжествующим тоном заключил Стивен, видя его замешательство.

– Я никогда этого не сделаю, – тихо проговорил адвокат.

– Сделаешь!

– Во-первых, потому... что это невозможно!

Стивен не слушал его.

– Нужно бежать *отсюда*, и как можно скорее, – размышлял он вслух.

– Тебя завтра должна осмотреть врачебная комиссия, соберется консилиум, – торопливо выложил Брендон. – А потом, я думаю, они постараются сразу же перевести тебя в тюремный госпиталь.

– Тем более – значит, бежать надо *сегодня*!

– Ты не представляешь, какая здесь сейчас охрана, ее в два раза больше, чем медперсонала! – с отчаянием продолжал Брендон. – Не проверяют разве что только отпечатки пальцев.

– Вот и хорошо.

– Что хорошо?

– Хорошо, что не проверяют, – повторил с улыбкой Стивен. – А портфель твой?

– Портфель? У меня там одна деловая документация, зачем его проверять?

– Тебе когда-нибудь приходилось при входе его открывать?

– Нет.

– Отлично! Все как надо! Итак, к делу: сейчас двенадцать дня, бежим в десять вечера.

– Меня не пустят так поздно... – упавшим голосом проговорил Брендон.

– Ладно, в девять. Времени у тебя уйма. А теперь, – медленно произнес Стивен, впившись глазами в Брендона, – слушай меня внимательно и ничего не перепутай! Сейчас, первым делом, ты пойдешь и срочно закажешь парик с такой же шевелюрой, как у тебя: надо же закрыть чем-то это безобразие, – он похлопал себя по забинтованной макушке, – да и масть у нас с тобой разная. Дальше: давно ты покупал этот костюм?

– На прошлой неделе... – растерянно ответил Брендон.

– купишь точно такой же, но на два размера больше. Понял? И рубашку не забудь.

Брендон сидел ошарашенный, вытаращив глаза.

– Так, еще, – продолжал Стивен, – две одинаковые пары очков с дымчатыми стеклами. Одни – для себя, другие – без диоптрий – для меня. И... наличка! Лучше побольше, или хотя бы столько, чтобы хватило на какие-нибудь документы. Вроде все... Нет, стой: что у тебя на ногах?

– Ботинки...

– Ты отупел или прикидываешься? – нетерпеливо вздохнул Стивен. – Ногу покажи. Сойдет! – оценил он.

Брендон с отчаянием смотрел на Стивена и понимал, что все уже кончено: он идет и покупает костюм, заказывает парик, что он даст ему денег, что он все сделает для этого человека... Еще пытаясь сопротивляться, адвокат вытащил последний довод:

– Ты пролежал неделю пластом и сейчас вскочишь и побежишь?

– Не волнуйся за меня! – усмехнулся Стивен. – Отправляйся. До вечера!

Было без четверти девять, когда в дверях палаты с каменным выражением лица вновь появился Брендон О'Брайан.

– Ну?! – сверкнул глазами Кларк.

Брендон молча протянул ему свой портфель.

– Молодец! – одобрил Стивен. – Теперь иди и скажи медсестре, чтобы пятнадцать минут нас никто не беспокоил – у тебя важное дознание. Ну, короче, ври что хочешь и через минуту будь здесь.

– Запри дверь. Там есть защелка, – сказал Стивен, когда Брендон вернулся. О'Брайан, не говоря ни слова, направился к двери, реагируя на все приказы, как хорошо налаженный робот-автомат.

– Так, документы, деньги, ключи от машины! – по-гангстерски скомандовал Стивен, уже напяливая новенький костюм.

Брендон выложил все беспрекословно.

– Вот... – виновато пролепетал он, протягивая пачку банкнот, которую Стивен быстро перелистал и сунул в карман брюк.

– Хватит. Спасибо!

Не теряя времени, Стивен быстро выяснил все недостающие подробности, как-то: марку, цвет и номер машины, где она стоит. Брендон отвечал сбивчиво, в страхе что-то упустить:

– Ммм... справа... да, справа от тебя, когда ты будешь выходить, недалеко...

– Так, ясно, – перебил его Стивен. – Куда я сейчас должен идти?

– Налево... до конца коридора, потом... направо, до лестничного холла, там лифт... Мы на шестом этаже... Выйдя из лифта, сразу увидишь, где предъявить пропуск.

Брендон ждал еще вопросов, но Стивен скомандовал:

– Садись! – и с этими словами, инсценировки ради, проворно связал скрученной простыней несопротивлявшегося Брендона. Потом пошарил рукой под подушкой. – А это я спер для тебя! – радостно сообщил он, держа наготове наполненный шприц.

– Что это?!

– Наркоз!

– Ты что?! Зачем? Я не хочу! – запаниковал О'Брайан.

– Да не бойся ты – это слабый, с ним зубы лечат. Ничего страшного – поспишь полчаса, зато будет тебе полное алиби. – И не давая бедному адвокату опомниться, Стивен прямо через одежду всадил иглу ему в бедро. – Так, хорошо. Теперь открывай рот. Не больно? – заботливо поинтересовался он, запихивая в рот Брендону полотенце.

Стивен взял в руки портфель своего адвоката – переодевание было закончено. Сходство получилось если и не полное, но вполне достаточное: при том же росте Кларк казался немного выше из-за того, что был значительно шире в плечах. Он отошел на шаг, любовался поверх очков на связанного О'Брайана и еще раз быстро окинул взглядом палату. На всё про всё ушло у него не более десяти минут.

– Ну, Брендон, не поминай лихом! Я тебя никогда не забуду, честное слово! – И быстрее, чем он произнес эти слова, Стивен Кларк исчез...

Глава 5. Короткие встречи

Накануне Лори вернулась из цветочного магазина, где работала уже второй месяц, поздним вечером. Она приняла душ и сразу легла, но заснула только за полночь, как всегда перед сном перебирая свою никудышную жизнь и неизвестно кому задавая неизменный вопрос: почему ей так упорно ни в чем не везет?

В половине седьмого Лори разбудил звонок в дверь. Пока она, сонная, накидывая халатик, соображала, кто бы это мог быть в такую рань, звонок повторился еще раз и еще – звонивший был настойчив и нетерпелив. Она открыла, не спрашивая.

– Здравствуй, Лори! – услышала она уже слегка позабытый голос и попятилась, вытаращив глаза.

– Стив?!

– Что ты смотришь на меня, как на привидение? – Стивен вошел и притворил за собой дверь. – Ты разве ничего не слышала про меня?

Лори часто закивала в ответ.

– Если уж я вынес казнь, то что стоило мне убежать?

– Ты убежал?! – сдавленно произнесла она, прижимаясь к стене.

– А ты думаешь, я тебе снюсь? – усмехнулся Стивен и, не дожидаясь приглашения, прошел в комнату.

С тех пор, как он приходил сюда в последний раз, здесь как будто ничего не изменилось и ни на дюйм не сдвинулось с места, словно на застывшей фотографии, – даже в вазе на столике перед диваном стояли те же нежно-розовые розы. Удивительно!

Стивен обернулся к стоявшей позади него Лори:

– Можно подумать, что ты ждала меня...

Лори молчала. Ее черные, глубоко посаженные глаза горели, как два уголька. На совершенно бледном, без кровинки лице не осталось и следа привычного румянца, а непричесанные кудрявые волосы лежали в полном беспорядке. Она казалась такой маленькой, такой потерянной, что напоминала пойманного взъерошенного зверька. И она действительно мечтала в эту минуту лишь об одном: оказаться сейчас как можно дальше отсюда!

Стив невольно улыбнулся, посмотрев на нее, и покачал головой:

– А ты так ни разу и не пришла ко мне – ни в тюрьму, ни в клинику. Даже на суде не была. Что, сразу разлюбила?

Лори подняла на него испуганные глаза:

– Я... боялась...

– Чего?

– Что меня сочтут твоей сообщницей... – еле выговорила она.

Ее ответ рассмешил Стивена:

– Да тебя хоть раз допрашивали, вызывали?

– Нет.

– Ну и дуреха же ты! – Он подошел к стоявшему посреди комнаты креслу и, опустившись в него, поманил Лори к себе.

Она не сдвинулась с места и, опустив глаза, тихо произнесла:

– Я была в тюрьме...

– Была? Когда?

– На казни.

– На казни?! – изумился Стивен. – Каким образом?

– Я случайно получила такую возможность...

– И решила не упускать ее. – Он поднялся и снова подошел к Лори. – Тебе захотелось увидеть мою смерть... самой удостовериться, что тебя не обманули и я точно мертв. И не буду больше досаждать тебе!

– Нет-нет! – быстро проговорила Лори. – Все было по-другому! Накануне ко мне пришел Роб...

– Да, он был у меня в тот день.

– Он сказал, что завтра казнь, и спросил, пойду ли я. Я промолчала. Тогда он вскинулся: «Тебя не будет с ним рядом в его последние минуты?!» Я спросила: «А это имеет для него значение?» – «Да! – ответил Роб. – Завтра в десять я заеду за тобой».

Стивен подозрительно посмотрел на нее:

– Звучит красиво... только... Ну да ладно, – вздохнул он. – Скажи-ка лучше: какое у меня было тогда лицо?

– Спокойное.

– Нет, в тот момент, когда включили ток?

Лори сдвинула брови:

– Ты вдруг широко-широко открыл глаза, как будто увидел что-то ужасное.

– Брендон, мой адвокат, тоже говорит нечто подобное, – сказал Стивен.

Лори посмотрела на него:

– Тебе... было очень больно?

– Да я вообще ничего не почувствовал! – ответил он. – И всем теперь могу посоветовать: если вам надо свести счеты с жизнью – спешите на электрический стул!

– А ужас на твоём лице? Что он означал?

– Не знаю. Но боли я не помню. Одно из двух: или я не успел ее осознать, или у меня потом отшибло память. – Стив взял Лори за плечо. – А до этого, надеюсь, я выглядел достойно?

– Достойно? – переспросила Лори, убирая его руку. – Ты вел себя так, что у всех по спине бегали мурашки. Ты фамильярничал со смертью!

– А вы все считаете, что к смерти надо относиться с бóльшим уважением? – усмехнулся он.

– Может, и так, – ответила Лори.

Стивен пристально посмотрел на нее:

– Я не знал, что ты была там... Скажи: что ты чувствовала? Тебе было жаль меня?

Чтобы не покривив душой ответить на этот вопрос, Лори надо было заглянуть очень глубоко внутрь себя. Но она не стала этого делать, потому что ответ, который предполагала там найти, скорее всего, был бы: «Нет».

Лори затрясла головой и заплакала:

– Прости меня, Стив! Прости!

– Перестань. Хватит об этом, – сказал он, снова беря ее за плечи.

– И потом... – Лори отвела глаза в сторону, – я не приходила потому, что я плохо себя... Я была беременна! – вдруг выпалила она.

Глаза Стивена округлились, он скользнул взглядом по ее фигуре:

– От меня?

Лори кивнула.

– Ты... сама не захотела или... так получилось?

– Не захотела... – едва слышно ответила она.

– ...ребенка от убийцы! – подхватил он ее слова.

– Стив, прошу тебя!

– Отчего же? – Взгляд его сразу стал жестким. – У меня ведь руки по локоть в крови. Я убивал Шейлу вот этими самыми руками, наносил ей удар за ударом...

– Стив, замолчи!

– ...а она все извивалась, хрипела и никак не хотела умирать.

– Ради всего святого! Замолчи! – заорала Лори. Она тяжело дышала, губы ее вздрагивали, а широко открытые глаза восхитительно блестели.

Стив вдруг сразу затих и подошел к ней вплотную:

– Ты одна?

Лори кивнула.

– Я только об этом и молил Бога, идя сюда: чтобы ты была дома и одна... Посмотри мне в глаза, – сказал он, приподнимая за подбородок ее лицо.

Лори задрожала:

– Ты... хочешь убить меня?..

– С ума сошла?! – рассмеялся Стивен. – Ты и вправду думаешь, что я уже профессионал? – Он обнял ее и прошептал: – Пойдем...

...Стивен ласкал Лори, пьянея от давно забытого удовольствия, но чем ближе становились их тела, тем яснее он ощущал, что Лори с каждым мгновением все больше отдаляется от него.

«Какой он голодный! – думала Лори. – Еще бы, ведь он столько месяцев был без женщины! И потом... он пережил такое!.. Я должна быть с ним нежной. Должна...»

Она подняла руку, собираясь погладить Стивена по затылку, и только сейчас заметила непривычно темный оттенок его волос. Господи, зачем он выкрасился? И прическа какая-то странная... – ей всегда так нравилась пышная светло-каштановая шевелюра Стива. Лори прикоснулась пальцами к его волосам, но тут же отдернула руку, словно боялась обжечься. Нет... она не могла. Она боялась его! С той самой минуты, как она узнала, что он сделал, Стив был для нее только убийцей.

– Лори, что случилось? Тебе неприятно быть со мной? – спросил он, приподнимаясь.

– Нет, Стиви, нет!

– Ты как каменная... Лори, детка, расслабься! – Он погладил ее слегка пополневший животик: – А сейчас... ты не беременна?

– Нет. У меня никого не было после тебя.

– Что так?

– Не знаю...

– Лори... – Стив присел рядом. – Мне скоро придется уехать отсюда... далеко и надолго... Понимаешь? Поедешь со мной?

Лори сжалась и отвела глаза.

– Ладно... Можешь не отвечать! – засмеялся Стивен. – Скажи хоть на прощание, что любишь меня.

– Я... люблю... тебя... Стив... – произнесла она так, будто каждое слово было размером с предложение.

Но даже эти вымученные, им самим выклянченные слова как бальзам подействовали на его мужскую силу – и уже скоро он, тяжело дыша, лежал рядом с Лори, благодарственно поглаживая ее нежные округлости.

– Как у тебя щеки горят! Я так люблю, когда они горят!

«Когда он уйдет? – подумала Лори. – А если... если он собирается остаться? О, Матерь Божья!»

Пронзительный звонок в дверь прервал их затянувшуюся идиллию.

– Кто это?! – встрепенулся Стив.

– Не знаю. Может быть, Дейви...

– Кто?

– Брат.

– Пойди посмотри, но не открывай! – Стивен накинул на Лори халатик и вытолкнул ее из спальни. А сам, прижавшись к стене, попытался заглянуть в окно.

Ничего подозрительного. Внизу стоял черный «мерс» – один к одному как у Брендона – точно такой Стивен позавчера бросил на обочине. В коридоре послышалось движение, громкий разговор. Значит, Лори открыла. Он подкрался к двери.

– Это очень серьезно! Прошу вас! Ему угрожает опасность! – услышал он хорошо знакомый голос и не раздумывая выглянул из-за двери.

В коридоре стоял Брендон О’Брайан.

– Ты?! – выпалил Стив.

Увидев Стивена, Брендон подскочил к нему:

– Одевайся скорее! Дорогá каждая минута! Они знают, что ты здесь. И им выгодно, чтобы ты был убит в перестрелке.

– Какая перестрелка? У меня же нет оружия!

– Не будь наивным!

– Как ты это узнал?

– Потом! Скорее, прошу тебя! – взмолился Брендон.

Лори стояла в коридоре, опустив руки и боясь шелохнуться. В последний момент, уже на пороге, Стив притянул ее к себе и крепко поцеловал. Через несколько секунд с улицы донесся шум отъезжающего автомобиля.

Лори закрыла лицо руками и заплакала.

Спустя пару минут «мерс» Брендона уже мчался по улицам города, навсегда унося Стивена прочь от Лори и от всего, что было с ней связано.

– А я, честно, как тебя увидел – решил, что ты теперь наживка у копов, – признался Стивен.

– Я от тебя большего и не ожидал, – буркнул Брендон.

– Не обижайся! – Стив потрепал его по плечу. – Мне сейчас положено во всем сомневаться. Это самосохранение. Что ты так несешься? Погони еще не видно.

– Ты со своим самосохранением недооцениваешь ситуацию, – ответил Брендон.

– Возможно. Но мне, по-видимому, неизвестно то, что знаешь ты. Как ты нашел адрес Лори?

– Это все ерунда! – отмахнулся Брендон. – Куда сложнее было опередить их. Знал бы ты, как я гнал сюда! Только чудом никуда не врезался.

Стив улыбнулся. Он был приятно удивлен таким ярким примером дружеской преданности со стороны Брендона, но открыто выражать своих чувств не стал.

– Ну и куда мы теперь летим? – спросил он.

– Давай все вопросы чуть позже, – с мольбой посмотрел на него Брендон. – Если честно, я и сам еще толком не знаю.

– О’кей, – ответил Стив. – А ты, оказывается, классный водила!

– Ты говоришь так, будто сам никогда в руках руль не держал. Бьюсь об заклад, что ты лихой наездник.

– Вот сяду за руль – тогда и узнаешь, какой я наездник! – засмеялся Стивен.

Они выехали на хайвей. Брендон чуть сбавил скорость и окинул взглядом одежду Стивена – высокие кроссовки, блеклые джинсы – и, остановившись на сизо-серой куртке, пощупал ее ткань:

– А где тот близнец?

– Через полчаса почил на помойке, – ответил Стивен. – Тебе жаль, что по городу больше не расхаживает твой двойник?

Брендон состроил презрительную физиономию.

– А этот «мерс» – тоже близнец? – спросил в свою очередь Стивен.

– Почему? Мне вернули его вчера утром. Спасибо, что не разбил.

– Не за что! – небрежно бросил Стив и, расстегнув часы на запястье, протянул их Брендону. – В целости и сохранности.

Брендон прыснул:

– Оставь себе на память.

– Спасибо. Если ты так богат... – пожал плечами Стивен. – Кстати, Брендон, а где ты взял наличку?

– Снял со счета.

– Сколько?

– Три тысячи.

– Постой, ты мне и дал почти три... Чем же ты расплачивался за костюм?

– Карточкой, – пожал плечами Брендон.

Стивен посмотрел на него так, будто пытался припомнить: кто это рядом с ним?

– Ну, Бренд, тебе крышка! – покачал он головой. – Так засветиться! Только ленивый не вычислит тебя. Как ты теперь объяснишь, зачем тебе понадобилось столько налички и куда ты ее дел?

– Я сказал им, что ты меня шантажировал.

– Глупо!

– Но меня никто не стал задерживать.

– Твоя кредитная карточка наверняка уже отслеживается – они сегодня же раскрутят твою покупку и арестуют тебя. И твое алиби будет бледно выглядеть на этом фоне. Понимаешь?

– Я понимаю лишь одно, – помолчав, ответил Брендон, – авантюризм – не мое хобби.

– Честно говоря, я от тебя такого не ожидал, – продолжал удивляться Стивен, – твоя профессия должна была научить тебя большей предусмотрительности. Бренд, тебя надо спасать... – произнес он нараспев. – И то, что мы сейчас драпаем вместе, пожалуй, и есть твое спасение. Единственный шанс для тебя выпутаться – это стать моим заложником. Другого выхода я не вижу.

– Там видно будет, – отмахнулся Брендон и молча устался на дороге. Стивен время от времени искоса поглядывал на него.

– Притормози, – сказал он, указывая на вывеску «Макдоналдса». – Возьму что-нибудь перекусить.

– Мог бы и потерпеть, – проворчал Брендон, останавливаясь.

– Я вообще не ел сегодня! А по-твоему, так я еще и от жажды должен помирать? – Стив хлопнул дверцей.

Стояла середина августа, и солнце палило нещадно. «Надо менять кондиционер», – подумал Брендон. Он ослабил галстук, расстегнул ворот рубашки и, опустив руки на руль, закрыл глаза.

Он и вправду не только не имел четкого плана действий, но и вообще с трудом понимал, что происходит.

«Что я делаю? Куда еду? Зачем? – спрашивал он себя. – Нет, произошло что-то уму непостижимое! Я помог бежать осужденному... преступнику! Только потому, что мне стало от души его жаль? Я обязан был защищать его, но не избавлять от наказания, хотя бы и считал это наказание несправедливым. Чем он так околдовал меня, что я, все позабыв, кинулся его спасать и теперь, по сути, делю с ним его судьбу?»

Брендон с огорчением подумал о том, что иногда лишь один наш поступок влечет за собой целую цепь поступков, саму возможность которых нам трудно было даже пред-

положить. Может быть, он и преувеличил опасность, грозившую Стивену при задержании, когда услышал краем уха переговоры полицейских. Но ведь даже при небольших осложнениях и сопротивлении они, не раздумывая, стреляли бы на поражение. Размышлять было некогда – условия диктовала ситуация.

Брендон отчаянно хлопнул ладонями по рулю. Он чувствовал себя сейчас как в капкане: события затягивали его все дальше, а он не мог рыпнуться ни вправо, ни влево.

– Ну как? Ты уже определился, куда мы едем? – спросил Стивен, садясь в машину с увесистым пакетом в руках.

– Думаю, да, – ответил Брендон, включая зажигание.

Брендон остановился за утопавшим в зелени двухэтажным особнячком. Хозяина шикарного строения не оказалось дома, и они расположились на скамейке в палисаднике напротив. Оба молчали, подбедая то, что бог послал Стиву в «Макдоналдсе».

Наконец Стивен вздохнул:

– Расскажи хоть, как ты нашел меня.

– Я был у твоего друга, Робина Дьюарта, – нехотя отозвался Брендон, – он дал мне адрес.

– Роб? Ну да, вполне естественно – это же он тебе меня сосватал. И он, конечно, сказал, что слыхом не слыхивал обо мне, да?

– А ты заходил к нему, что ли?

Стив кивнул:

– Ночевал в первую ночь.

– Прости, но теперь моя очередь удивляться, – покачал головой Брендон.

– Да, конечно, куда глупее, – сознался Стивен, – но я тогда к ночи почти ничего уже не соображал. Ноги сами понесли меня туда. Хорошо еще, что не к себе домой! Зато где я ночевал сегодня – лучше не спрашивай.

Но Брендон не только не горел желанием узнать, где ночевал Стив, но и вообще не хотел продолжать разговор дальше. Снова воцарилось молчание.

Прошел час или около. Брендон не находил себе места, постоянно поглядывая на часы. А Стивен развлекался тем, что смолит сигарету за сигаретой. Наконец Брендон стрельнул у него одну и тоже закурил – это было уже явным признаком того, что он запаниковал.

– Этот человек знает, что ты его ждешь? – спросил Стивен.

Брендон покачал головой.

«Слава богу, хоть догадался, что звонить сейчас нельзя», – подумал Стив.

– Так, может, мы и ждем напрасно?

– Помолчи, пожалуйста! – огрызнулся Брендон.

«Да, действительно, авантюра не для Брендона О’Брайана», – решил про себя Стивен, целясь пустой пачкой в стоявшую рядом урну.

В это время в нескольких ярдах от них затормозил светлый «форд». Брендон вскочил.

– Жди меня здесь! – скомандовал он Стивену и сразу же окликнул мужчину, вышедшего из машины: – Майк! – Тот обернулся.

Это был невысокий и неполный седоватый человек с мягкими чертами лица и небольшой бородкой. Увидев Брендона, он расплылся в доброй улыбке:

– Брендон! Вот не ожидал тебя сейчас увидеть! Какими судьбами? Заходи.

Войдя в обставленную со вкусом гостиную Майка, Брендон начал напрямик:

– Майк... мне очень нужна твоя помощь.

– Я в твоём распоряжении, – ответил тот, указывая гостю на кресло.

Брендон сел и тяжело вздохнул, не зная, с чего начать. Майк сел напротив.

– Понимаешь... жизнь иногда преподносит нам такие сюрпризы... – Брендон замялся. – Позволь, я не буду очень подробен?

– Говори все, что считаешь нужным, – ободрил его Майк. – Обещаю тебе: сделаю все, что смогу.

– Дело обстоит так, что мне надо на время исчезнуть... Мог бы я, предположим, рассчитывать на твой лесной домик?

– Он твой! – ответил Майк, не задумываясь. – Живи там хоть месяц, хоть год с уверенностью, что никто тебя не побеспокоит.

– Спасибо. Но... мне надо попасть туда сегодня. Ты сможешь отвезти меня?

– Сегодня? – немного опешил Майк. – Это триста миль. Вертолета у меня нет...

– Прости, я не то хотел сказать, – поправился Брендон. – Ты мог бы выехать прямо сейчас?

– Да, конечно. Хотя... у меня же завтра операция... – Майк потерял себя за бородку. – А если я доведу тебя только до *...вилы? Там ты возьмешь машину, оттуда уже недалеко.

– Идет! – кивнул Брендон. – Только мне надо, чтобы машину в *...виле взял для меня ты, а свою мне придется оставить пока у тебя.

Майк лишь развел руками в знак согласия.

– И еще, Майк... дело в том, что я не один.

– Меня это не касается. Я выполняю *твою* просьбу, так ведь? Вези хоть целую компанию.

– Нет, Майк, я *должен* тебе сказать, потому что это очень серьезно. Этот человек... он осужденный, он бежал... Нет... это я помог ему бежать.

Майк быстро посмотрел на Брендона и опустил глаза.

– Думаю... если ты так сделал... наверное, это было справедливо.

Брендон ответил ему благодарным взглядом.

– Добрый вечер! – поздоровался Майк, садясь за руль. Стив кивнул в ответ, с опаской оглядывая незнакомца.

В движениях Майк был резок, а говорил отрывисто, скороговоркой, и Стив подивился: как можно понимать такую торопливую и невнятную речь? Но Брендон, похоже, не испытывал в разговоре с ним никаких неудобств.

Стивен сидел сзади и прислушивался. Но так как говорил больше Майк, а разобрать он мог только слова Брендона: «Да... я понял... когда? ... с левой стороны? ... я помню... пожалуй, нет...», составить что-либо связное из этих отрывков не удавалось.

«Наверное, у меня уши устроены иначе», – подумал Стив и уставился в окно.

Уже вечерело, и перед глазами у него замигали разноцветные бегущие огоньки. Стивен смотрел на картинку за окном, как на большую рождественскую елку, не всматриваясь в отдельные детали, в восторженном желании охватить одним взглядом всю ее целиком. От этого занятия мысли его поплыли куда-то далеко, в тот период жизни, когда все мы требуем от мира ответов на свои вопросы, но еще никто не требует ответа от нас...

Разговор на переднем сиденье продолжался, но Стивен уже не пытался хоть что-то разобрать в нем. Из магнитолы лилась тихая, расслабляющая музыка – под нее так славно было помечтать. Но очень скоро все его мысли стали сами собой исчезать, и последним, что пришло Стивену на ум, было: «Какое это по-детски чистое наслаждение – устроиться вот так на заднем сиденье мчащегося по хайвею авто, смотреть в окно и *ни о чем не думать...*»

– Кто этот Майк? – спросил Стивен, когда они с Брендоном пересели в другую машину.

– Он был моим клиентом восемь лет назад, – ответил Брендон. – Я с блеском выиграл тот процесс.

– А что там было?

– Наркотики.

– Ого! – оживился Стив. – А ты не боялся увязнуть?

– Честно говоря, боялся, – признался Брендон. – Но я тогда был очень молод, и моя неопытность больше помогала мне, чем мешала. Вначале дело выглядело почти безнадежным. Я ума не мог приложить, как к нему подступиться. А Майк начал с того, что расплакался у меня на плече, клянясь в своей невинности. И хотя он был вдвое старше меня, мы быстро нашли общий язык. Результатом же стало то, что мне удалось раздобыть такие свидетельства, которые ни у кого не вызывали сомнений. Его полностью оправдали. Майк до сих пор считает, что я спас ему и жизнь, и карьеру. Тогда он буквально озолотил меня. И все эти годы только и горит желанием оказать мне какую-нибудь услугу. – Брендон с довольной улыбкой посмотрел на Стивена. – Через неделю он раздобудет тебе документы, а это время мы пересидим на его даче.

– А чем он занимается?

– Он врач-онколог. Крупный специалист. У него своя клиника.

Стивен с сомнением покачал головой:

– С твоей стороны не очень честно было втягивать его в эту игру.

– Майк сам предложил мне помочь с документами.

– Но ты подвел его к этому.

– У меня не было выхода, – попытался оправдаться Брендон. – И потом... я уверен: он раздобудет такие, что проблем у тебя с ними не возникнет.

– Не будем загадывать... – Стивен со скучающим видом поглядел в потемневшее окно. – Далеко еще? Давай я поведу.

– Почти приехали.

Часть II

Глава 6. Лесной домик

Брендон оставил машину прямо в лесу, в том месте, которое указал ему Майк. Но потом он все-таки перепутал дорогу, выйдя не на ту тропинку, и им дважды пришлось возвращаться назад к шоссе. До домика Майка они добрались только к полудню. И хотя оба были усталыми и голодными, сначала перетаскали в дом все продукты, которые запасливо купили неподалеку от *...вила.

Домик стоял посреди леса, но его вполне можно было бы назвать «домиком в горах» – так ловко он примостился на склоне холма. Едва высовываясь из густых зарослей, домик почти не был виден с ведущей к нему тропинки и как будто специально предназначался для того, чтобы скрывать его обитателей от посторонних глаз.

Стиву домик сразу понравился.

– Лучше не придумай! Пещера отшельника!

– Какая же это пещера? Настоящий райский уголок, – ответил Брендон, развязывая галстук. – Здесь все сделано с расчетом на то, чтобы можно было отдохнуть от излишеств цивилизации, не переставая пользоваться ее благами. В этом домике я был у Майка позапрошлой осенью, когда он пригласил меня поохотиться. Правда, вскоре ему пришлось убедиться, что охотник из меня никудышный. Но мы недурно провели несколько дней в компании еще двух его друзей.

Они наскоро перекусили, запивая фастфуд газировкой.

Потом Брендон, сняв пиджак, разлегся на диване, а Стивен отправился на разведку. Он быстро обследовал весь дом, предусмотрительно заглянув в каждый его уголок.

Домик был бревенчатый, одноэтажный и смехотворный по размерам – в нем оказалось всего три комнаты. Гостиная, главной достопримечательностью которой был большой, красиво сложенный камин, сообщалась со спальней – как через коридор, так и через просторную террасу, впритык упиравшуюся в холм. Окна кухни смотрели на убегающую в лес тропинку.

Обстановка была дорогая, но не вычурная и не включала в себя ничего лишнего. В гостиной – столик, пара кресел, столько же стульев, диван и небольшой застекленный шкафчик с книгами, в спальне – встроенный гардероб и широченная кровать, на которую можно было уложить пятерых.

Стивен, вполне довольный всем, искренне удивился, не найдя нигде телевизора:

– Не думал, что где-то еще есть такие девственные места. А что, телевизор – это тоже излишество цивилизации?

– По мнению Майка, видимо, да, – пожал плечами Брендон. – В тюрьме же у тебя не было телевизора.

– Обижаетесь тюремное начальство!

– Я имею в виду то обиталище, где ты провел последний месяц.

Стив ничего не ответил. А Брендон подумал о том, что Стивен стал теперь болезненно реагировать на разговоры о тюрьме и всем, что было с ней связано. Поэтому впредь он решил лишний раз не касаться этой темы. И, чтобы разрядить разговор, сказал:

– У меня предложение: давай на эту неделю забудем обо всех проблемах и будем вести себя так, будто мы приехали сюда отдыхать.

– О'кей! – согласился Стив. – Только с отдыхом здесь вряд ли разбежишься: чем тут можно развлечься?

На следующее утро Стив выбросил парик «а-ля Брендон», который похожим на адвоката его все равно не делал, да и вообще внешне менял мало, зачесал волосы назад, прикрыв ими свою пострадавшую макушку, и принялся за уборку.

В гардеробе он отрыл новый спортивный костюм – брюки и футболку, – немного ему узковатый, но вполне подходивший для здешних условий.

Франтом Стивен никогда не был. Можно даже сказать, что одевался он небрежно, однако разгильдяем не выглядел. Он не оказывал одежде излишнего почтения, и одежда как будто сама относилась к этому с пониманием: знала свое место, лишний раз не высовывалась и надежно выполняла свои основные функции. Стив разыскал в гардеробе кое-что и для Брендона, но тот предпочел расхаживать по дому в своей белоснежной рубашке.

Весь остальной день Стивен изучал окрестности, которые разнообразием не отличались – со всех сторон стоял густой лес. Тем не менее вскоре он обнаружил неподалеку маленькое озерцо, куда и стал ходить потом каждое утро. Но ни одна из его попыток заманить Брендона хоть на часок в лес не увенчалась успехом. Стивену же ни минуту не сиделось на месте – он все время где-то пропадал, чем вызывал недовольство Брендона:

– Эти прогулки до добра не доведут, – ворчал тот. – Твоя физиономия известна сейчас каждому копу. Зачем ею маячить без необходимости?

Но Стив, похоже, махнул рукой на все предосторожности и совсем не заботился об изменении своей внешности, за тем исключением, что раньше он носил густую челку, а теперь оставил лоб открытым. Узнать его, однако, и в таком виде труда не представляло. Поэтому, когда в третий день их «отдыха» зарядил основательный дождь, Брендон вздохнул с облегчением.

...Стивен сидел у камина – он явно облюбовал себе это местечко – и что-то мурлыкал, подыгрывая себе на банджо, которое еще утром случайно обнаружил на террасе. Брендон, на диване чуть поодаль, задумчиво глядел на него, монотонно постукивая ногой об пол.

Как действовать дальше, он представлял весьма смутно. Первым делом, конечно, нужно сплавить Стивена с глаз долой, и как можно быстрее. А потом? Что будет потом? Как ему выбраться из этой ситуации, в которой он завяз по уши? Что будет с работой, карьерой? Ведь не одного себя ставил он теперь под удар – под угрозой оказывалось благополучие его семьи, будущее сыновей... Во имя чего? Кто для него, в сущности, этот Кларк? Обычный клиент, симпатичный парень, с которым было так непросто работать, но так увлекательно беседовать. Да, он не заслуживает смерти – Брендон был в этом уверен. Но разве одно это убеждение заставляло его действовать? С той самой минуты, когда Стивен сказал ему: «*Ты поможешь мне бежать!*», Брендон понял, что перестал принадлежать себе, попав под власть необъяснимой целенаправленной силы, которая и гнала его теперь. Казалось, сама судьба манипулирует им, его руками спасая Стивена, а ему только остается быть послушным исполнителем ее воли. Но теперь Брендон хорошо осознавал, что, какие бы беды ни ожидали его впереди, просто взять и послать Стивена Кларка на все четыре стороны он уже не сможет...

– Бренд! – услышал он оклик Стивена. – Послушай, что я сочинил. – И он изобразил нехитрую мелодию наподобие «Happy Birthday to You». – Ну, как?

– Лучше бы ты занялся чем-нибудь другим.

– Не понравилось... – вздохнул Стивен. – А я думаю, что человек должен заниматься в каждый данный момент лишь тем, к чему у него лежит душа. Иначе ничего толкового из его занятий не выйдет.

– У тебя вышло сейчас что-то очень толковое? – поиздевался Брендон.

– Я не это имел в виду... – Стивен отложил банджо в сторону. – Ты привык мыслить слишком конкретно, тебе нужно видеть быстрый и осязаемый результат. А его может и не быть.

– И ты часто можешь себе позволить такое: заниматься именно тем, чем хочешь?

– Всегда! – заявил Стивен, вставая. – Какой смысл себя принуждать? Во имя чего?

– Принуждать в данном случае – исключительное право обстоятельств, а не собственной воли, – заметил Брендон.

– Вряд ли. Люди обычно преувеличивают значение обстоятельств – чтобы оправдать собственную нерадивость и нежелание действовать.

Брендон опять чуть было не ляпнул про тюрьму, но вовремя спохватился и подумал, что Стивен, может быть, в чем-то и прав. Во всяком случае, в отношении себя...

– Лично я думаю, – сказал он, – что отнюдь не борьба, не насилие над обстоятельствами дают нам шанс управлять ими и заставлять в конечном итоге устраиваться по нашему желанию, а наоборот – способность покоряться и уступать им.

– Возможно, – ответил Стивен. – Но хотел бы я посмотреть на тебя, когда только что сказанное ты станешь применять на деле... Противостоять обстоятельствам надо всегда, но действовать в соответствии с установленными ими правилами. А понимание того, что все происходящее с нами неслучайно, – это запасной выход из тех ситуаций, которые именуют безвыходными.

Брендон поглядел на Стива, еще раз про себя отметив, что при отсутствии какого-либо серьезного образования тот способен с успехом рассуждать на любые отвлеченные темы, – похоже, этим даром он наделен от природы.

– Не совсем тебя понял, – покачал он головой, – так что же все-таки: бороться или принимать все как должное?

– Принимать только в том случае, если есть внутреннее ощущение, что любая борьба будет не только бесполезна, но и вредна.

Брендон неодобрительно поморщился и вздохнул про себя: «А что я-то сейчас делаю: действую или принимаю все как есть? Скорее второе, чем первое...»

– Но лишь очень немногие, – продолжал Стивен, прохаживаясь по комнате, – могут принять жесткие условия игры, диктуемые жизнью, даже если и понимают, что в этом их единственное спасение.

– Ты забываешь, – Брендон потянулся к книге, лежавшей перед ним на столике, – что тут зачастую срабатывает самый мощный инстинкт – инстинкт самосохранения. Под его напором гаснут все чувства, все доводы рассудка. Он заставляет нас действовать совершенно безотчетно.

– Да, – согласился Стивен, – только один действует так, а другой – прямо противоположно.

– Но вряд ли кто заранее сможет предсказать, как он сам поведет себя в критической ситуации. Вот в чем дело!

– Что тут предсказывать? – пожал плечами Стивен. – Просто каждый ведет себя так, как он *должен* себя вести. И его личная воля имеет в этот момент мало значения.

Адвокат снова посмотрел из-под нахмуренных бровей. И хотя все сказанное Стивеном было достаточно отвлеченно, неконкретно, Брендону показалось, что речь сейчас идет о нем самом.

– Значит, ты считаешь, что происходящее полностью предопределено? – спросил он.

– Да, предопределено очень многое. От нас самих мало что зависит. Но иногда бывает и так, что зависит слишком много... от нашего *выбора*! Порой сделать *выбор* для нас бывает мучительно трудно, ведь именно в этот момент мы смутно осознаем, что за неверно сделанный шаг расплачиваться придется, может быть, целую жизнь...

– У тебя лично было много таких ситуаций?

– Наверное, да... Иногда трудно самому себе признаться в том, что твой выбор был ошибкой...

– А именно? – продолжал дотошничать Брендон.

Стивен замолчал, потом с ироничной улыбкой поглядел на него:

– Слушай, Брендон, пошли лучше выберем себе что-нибудь на обед. От безделья так есть хочется! – сказал он, направляясь к кухне. Брендон удивился такому быстрому завершению разговора, но заморить червячка тоже был уже не прочь и, поднявшись, пошел за Стивеном.

Едва они переступили порог кухни, как со двора донесся громкий собачий лай. Стивен чуть вздрогнул и посмотрел в окно:

– Людей пока не видно, зато живность уже наведалась.

– Это же собака.

– Собака, – подтвердил Стив, настороженно оглядывая двор. – Но у собаки обычно есть хозяин... И кем бы он ни был, видеться нам с ним необязательно.

– По-моему, просто забежала какая-то бездомная псина.

– Может быть... – Стивен опустил жалюзи. – Собака... пожалуй, единственное животное, которое не в состоянии прожить без человека, хотя имеет все возможности для этого. Нет хозяина – нет причины для жизни! – Стив распахнул холодильник и сосредоточенно оглядел его содержимое. – Собачья преданность, которой принято умиляться, – это проклятие для собаки и позор для человека, – продолжал он, прихватывая по банке с каждой полки, – а собака – это зомби животного мира, которого человек создал себе на потребу. Человек воспользовался страшной мутацией, роковым изменением, произошедшим со звериной психикой – появлением инстинкта преданности, – и тысячелетиями нещадно его эксплуатирует. Этот новый инстинкт, оказавшийся сильнее всех остальных, изуродовал несчастную зверюгу, оторвал ее от своих диких собратьев. Вот скажи: для чего существует эта тварь? – Стивен поставил банки на стол и принялся их открывать. – Только чтобы служить и поклоняться своему божеству: хозяин – бог, центр мироздания, смысл существования! Собачья верность, преданный собачий взгляд... потом собачья жизнь, паршивая собака... и в итоге: «Собаке собачья смерть!» – и Стивен завершил свою тираду, побросав крышки в мусорное ведро.

Брендон стоял рядом немного озадаченный – он не очень понял, на самом ли деле Стив так думает или удачно использует чужие идеи.

– Странно ты как-то мыслишь... – задумчиво протянул он.

Стивен ухмыльнулся:

– По тому, как ты на меня смотришь, держу пари: у тебя дома какой-нибудь шпиц или фокстерьер.

– Нет, у меня нет собак. Правда, Джефф просил... но жена не выносит.

– Видишь?! – торжествующе воскликнул Стивен. – Я не одинок!

– Знаешь, насчет собак... я вспомнил сейчас один эпизод... из детства, – проговорил Брендон. – Мне шел тогда седьмой год, но я был такой щупленький, что на вид мне было не больше пяти. Мы с мамой поехали в гости к тете в ее загородный дом. И к ней в этот день зашла приятельница со своим любимцем – медлительным, добродушным сенбернаром, которому я, видно, сразу же приглянулся, потому что пес лишь на секунду задержался на пороге, повернул морду чуть в сторону и направился прямо ко мне. Я как сейчас вижу, как стою посреди комнаты, огромный лохматый зверь идет на меня, а я не могу и с места сдвинуться – ноги будто вросли в пол! И все это продолжается очень долго – как в показовом просмотре. Когда между нами оставалось не более трех футов, я вдруг заорал так громко, что бедный пес отпрянул в сторону – слышать такое от ребенка ему, наверное, еще не приходилось. Плакал и кричал я долго, уговоры не помогали. Мама позвонила папе, и он вскоре приехал. Посадил меня к себе на колени, потрепал по голове и сказал: «Брендон, я думаю, ты все еще плачешь только потому, что тебе стыдно за то, что ты испугался. Но знай: кто ничего не боится, тот ничего по-настоящему и не любит в этой жизни...» Я мало что понял тогда в его словах, но запомнил их навсегда. Впоследствии отец ничего подобного мне больше не говорил. Думаю,

эту фразу он незадолго до этого где-нибудь услышал или прочел и, не найдя сразу, чем утешить ребенка, сказал первое, что припомнилось.

Стивен к этому времени уже закончил все обеденные приготовления. Рассказ Брендона не произвел на него особого впечатления, он лишь вяло улыбнулся и спросил:

– Ты и сейчас собак боишься?

– Нет, – ответил Брендон, – собак точно не боюсь.

– Ладно, садись, – Стив махнул рукой на стул напротив, – будем надеяться, что сегодняшняя собачка окажется добросердечной и ничего не скажет про нас своему хозяину. Вдруг она уже вышла на новый виток мутации и пришла к выводу, что доносить нехорошо?

На этот раз оба засмеялись.

Глава 7. Огненная стихия

Весь следующий день моросил дождь, и Стивен слонялся из угла в угол, не зная, чем заняться.

– Ну как это можно жить без телевизора? – не переставал удивляться он. – Вечером хоть на стенку лезь. Прямо как в дремучем лесу.

Он продолжил обследование домика, слазал даже в подвал, как будто надеялся найти телевизор там. И спустя час несолоно хлебавши вернулся в гостиную. Брендон сидел на диване с книгой в руках. Дочитав до конца абзаца, он поднял голову и посмотрел на застывшего в дверях Стивена:

– А что ты любишь смотреть по телевизору?

– Все! – отрапортовал тот.

– Ну, как это – все?

– Да так. Можно, например, в жизни любить все?

– В жизни? – Брендон задумался. – Наверное, нет... Как можно любить зло, насилие, несправедливость? «Возлюби врагов своих...» – для этого надо быть святым.

– Вот я и есть святой... телевизионный!

Брендон усмехнулся:

– Ну, возьми почитай что-нибудь. – Он махнул рукой в сторону шкафчика: – Посмотри, какой здесь выбор – на любой вкус. Я уже кое-что себе отыскал.

– Вряд ли это может заменить телевизор, – с сомнением покачал головой Стивен. – Да я и не очень большой любитель чтения. Вообще, я думаю, человеку надо в жизни прочесть три-четыре *хороших* книги, и этого будет достаточно.

– И ты их, конечно, уже прочел, – поиздевался Брендон.

– Нет, – покачал головой Стивен. – Можно ведь перечитать горы книг, но так и не найти среди них те, которые были необходимы *тебе*... Лет пять или шесть назад мне попала одна...

– Роман?

– Не помню. Я и названия-то не запомнил. Разве это так важно? По-моему, главное – остался ли хоть какой-то след. Там были такие интересные мысли... – произнес Стивен нарраспев.

– О чем, например?

– Ну, хотя бы о том, что Бог – это любовь, но обретение Бога иногда бывает мучительным, поэтому любовь – это и муки, и страдания, и потери... И еще: о том, что человек так упорно стремится к бессмертию лишь потому, что не понимает: бессмертие – не синоним счастья и не гарантирует разрешения всех проблем. Стоит ли в таком случае обладать им? И если бы люди вдруг получили бессмертие, то не стало бы оно для них величайшим проклятием?

– Да, интересно, – согласился Брендон. – Но мне такая мысль встречалась неоднократно.

– Зачем об одном и том же читать двадцать раз? Достаточно и одного, – сказал Стивен, подходя к шкафчику. Он поглядел издали на разноцветные переплеты, но даже не стал открывать дверцу. – Нет, неохота. И потом, у меня что-то стало хуже со зрением – вблизи все расплывается.

– Наверное, возрастное? – предположил Брендон.

– Смеешься? Мой отец надел очки, когда ему перевалило за шестьдесят. Нет, мне кажется, это после электричества...

Брендон захлопнул книгу, которую читал, и посмотрел на Стивена:

– Твой отец жив?

Стив взглянул немного удивленно:

– А ты бы должен это знать. В деле есть все сведения обо мне.

– Прости, но я не помню, – признался Брендон.

– Какой же ты тогда профессионал? – поиздевался Стив.

– Я не обязан держать в голове всю подноготную моих клиентов, тем более по окончании процесса.

– Я бы запомнил... – сказал Стивен. – Мой отец умер пять лет назад: упал с лошади, недели две провалялся в постели, но оклематься так и не смог. Ему было семьдесят три.

– А когда ты родился, ему было...

– Пятьдесят.

– А твоя мать?

– Она умерла еще до моего рождения.

– Это что... прикол? – не понял Брендон.

– Это правда, – медленно проговорил Стивен. – У нее были трудные роды. Фельдшер, который их принимал, слишком поздно сообразил, что один он не справится, а когда приехала бригада, моя мать уже умирала. До ближайшей больницы было полчаса езды, и они стали делать кесарево прямо на месте, уже не надеясь, что достанут меня живым. Меня еще не успели вытащить, как моя мать скончалась. Я слышал, мне потом говорили, что ей сделали недостаточную анестезию, и она умерла от болевого шока. Отец хотел убить этого фельдшера, но тот очень быстро смотался, да так далеко, что не найти было и с собаками. А нас у отца к тому времени было четверо: я, сестра – на три года старше меня, и двое братьев – двенадцати и четырнадцати лет. Так что этот недоумок до сих пор ждет возмездия.

– Да... Выходит, ты родился в рубашке. Потому-то тебя и сейчас смерть не берет, – проговорил Брендон.

– Нет, не поэтому. Просто каждому человеку точно назначено его время, и пока оно не пробило, что ты с ним ни делай, он все равно останется жить. И все мы знаем этот час, но просто не отдаем себе в этом отчета. Обычно нас оповещают свыше о часе нашего ухода. Если же кто-нибудь скажет нам напрямую, когда и как мы умрем, мы сначала пугаемся, но, немного придя в себя, осознаем: «А ведь я знал об этом и раньше!» И эта же мысль посещает нас перед самой смертью...

– Откуда ты все это знаешь? – поморщился Брендон.

– Книжка была шибко умная! – то ли в шутку, то ли всерьез ответил Стив.

– Может быть, ты еще знаешь, когда и как умрешь?

– Нет. Я знаю только, что не доживу до старости, – сказал Стивен и, присев на корточки у камина, начал подбрасывать туда брикеты.

– Такая жара, а ты камин собрался топить, – неодобрительно покосился Брендон. – Мы же тут сваримся.

– Зато красиво как, посмотри! – сказал Стивен, глядя на весело заплясавшие огненные язычки.

Брендон покачал головой и снова углубился в чтение, а Стив опустился перед камином на одно колено и стал смотреть на огонь.

Две стихии – огонь и вода – всегда покоряли воображение Стивена, он мог любоваться на них часами. Но не в момент их отчаянного противоборства – хотя в невозможности их сосуществования уже изначально заложена особая мистическая притягательность, – а тогда, когда они, разнесенные на безопасное расстояние, независимые, проявлялись во всей своей мощи и необузданности.

Огонь был самым первым его воспоминанием – это было горящее дерево, в которое попала молния. Вероятно, дуб: высокий, раскидистый, он стоял на опушке леса не очень далеко от других деревьев, но все же обособленно от них и пылал, как огромный факел, освещая собой всю окрестность. Никто не тушил пламя – все любовались, потому что зрелище того стоило.

Стив, конечно, не помнил, ночь то была или вечер, но он запомнил совершенно черное небо, по которому металась молнии, дождь, ливший, как из ведра, ветер, налетающий порывами и гнувший деревья аж до самой земли. Они раскачивались во все стороны, всплескивая, точно руками, своими длинными ветвями – одни из них словно старались прикоснуться к погибающему дереву, хотя и понимали, что не в силах помочь ему, другие, наоборот, пытались отпрыгнуть, отодвинуться как можно дальше, в отчаянии, что ноги их навечно вросли в землю и нет возможности спастись бегством. А живой факел продолжал гореть, и казалось, что никто и ничто не в силах погасить его и он будет пылать вечно. Пламя подрагивало, занимаясь с новой силой, с устрашающим треском обламывались обгоревшие ветки, веером разлетались в разные стороны искры. И была в этой сцене гибели своя неповторимая и жуткая красота...

– Брендон, у тебя есть дома камин? – спросил Стивен, не отводя глаз от огня.

– Нет.

– И у меня нет...

«А что у тебя теперь есть, кроме трех тысяч долларов в кармане и висящего над тобой приговора?» – подумал Брендон и, не отрываясь от книги, проворчал:

– Перестань топить.

– Сейчас. Уже догорает...

Стивен продолжал смотреть на затухающий огонь – эта безжалостная, губительная стихия, схваченная черным квадратом камина, теперь такая мирная и дружелюбная, дарила ему чувство защищенности и незапорошенной детской радости... И Стив поймал себя на мысли, что последнее время никуда не может спрятаться от собственного детства – воспоминания о нем вламывались в его сознание с настырной регулярностью.

Вот и сейчас ласковое тепло, исходившее от камина, вызвало у него самые ранние воспоминания о его сестре Элизабет – когда ему было два года, а ей уже целых пять, и маленький Стиви засыпал под колыбельную, которую напевала ему сестра, поглаживая братца по кудрявой головке. Брат тогда был для нее чем-то вроде куклы в игре дочки-матери. Но кукла часто оказывалась непослушной, игра затягивалась и быстро надоедала – как, впрочем, и все игры, – тогда Стиви получал пинок под зад. Он редко удерживался от того, чтобы не дать сдачи, и обычно тут же завязывалась потасовка, которая всегда заканчивалась торжествующим криком Лизбет. Но даже поверженный и зареванный, Стив никогда не испытывал к сестре ненависти, как нельзя ее испытывать к самому близкому и дорогому человеку.

Возможно, что в раннем детстве он воспринимал Элизабет как мать, но впоследствии она была больше товарищем в детских забавах, чем старшей сестрой. Крепко сбита, широкоплечая, с торчащими в разные стороны выгоревшими на солнце вихрами, сидению за рукоделием она предпочитала подвижные мальчишеские игры.

Сестра всегда была в курсе всех его дел и планов и не скрывала от него своих. На нее он мог тогда положиться, как на себя самого. Лизбет не была способна хитрить, изворачиваться, но Стив знал, что, случись любая сложная ситуация, брата она никогда не выдаст.

Элизабет было тринадцать, когда отец определил ее в пансионат, находившийся в центре округа. Провожая сестру в конце лета, Стив еще не знал, что это расставание станет расставанием навсегда. В дальнейшем они уже не были так близки друг другу, как в короткую золотую пору детства. Через несколько месяцев Лизбет приехала домой на каникулы, и Стиви не сразу узнал свою сестру: она подросла, похорошела, формы ее округлились, это была уже не подружка, а взрослая женщина – он не знал даже, с какой стороны к ней подойти...

Никто не мог тогда возместить ему эту неожиданную потерю. На доверительные отношения с отцом Стиви не надеялся: Джеймс Кларк работал почти круглые сутки, чтобы прокормить свою ораву, и, казалось, всегда больше пекся о старших детях от первого брака. Из-за этого Стив с сестрой часто бывали предоставлены сами себе.

А братьев своих Стив просто не брал в расчет – в воспоминаниях о раннем детстве их вообще не было. Когда же он немного подрос и стал себя осознавать, это были уже здоровенные парни, каждый из которых мог сойти за его отца. Разница в возрасте так развела их, что Стив всегда воспринимал братьев просто как каких-то родственников, ну, может быть, дядьев, в лучшем случае. И когда они оба почти сразу друг за другом погибли – один в автокатастрофе, другой – от несчастного случая на стройке, где работал, – Стив не ощутил их смерть как большую потерю.

Братом в ту пору стал для него Эдди Мартинес, семья которого двумя годами раньше поселилась недалеко от их дома. Они с Эдди сдружились очень быстро, буквально с первого дня, и несколько лет были неразлучны. Стивену тогда исполнилось семнадцать, жизнь только открывалась перед ним – влекущая, неизведанная, огромная, – и в ней, казалось, должно было уместиться столько всего, что невозможно охватить и взглядом!

К тому времени пути Стивена и Элизабет уже окончательно разошлись – виделись они теперь редко и лишь по случаю. Последний раз это было на похоронах отца. И встреча эта больше походила на встречу дальних родственников или случайных знакомых.

...Огонь уже погас, но Стивен все еще сидел лицом к камину, погруженный в свои воспоминания. Потом отвел взгляд от тлеющих угольков и, не оборачиваясь, спросил:

– Брендон, а ты не боишься быть со мной наедине?

– Что за чушь взбрела тебе в голову? – проворчал Брендон, нехотя поднимая голову от книги.

– Ну как же – я ведь преступник! Ты не замечал, как магически действует на людей это слово, будто в нем самом уже заложена опасность?

Брендон подозрительно покосился, но не ответил.

– Считается – и не случайно, – продолжал Стивен, – что человек, переступивший черту, нарушивший нравственный запрет убивать, опасен для окружающих, потому что, убив один раз, он сделает это и во второй. Так старая дева, потерявшая наконец в пятьдесят лет невинность, восклицает: «Ах, как же это просто! И почему я не отважилась раньше?» – и тут же пускается во все тяжкие. Люди и сами не могут объяснить, почему их охватывает тревога, когда они слышат слово «преступник». Скорее всего, они подсознательно чувствуют, что невинность нравственная – вещь невозможная, и потерявший ее разверзает перед собой пропасть без дна...

– Я не понимаю: ты сейчас говоришь о себе или просто философствуешь? – нахмурившись, спросил Брендон.

Стив пропустил его вопрос мимо ушей.

– Знаешь, убить ведь легко... – тихо проговорил он, и взгляд его скользнул куда-то вдаль, – труднее то, что *до* этого и что *после*... а убить... легко...

– Во второй раз легче, чем в первый, и легче с каждым разом? – попытался развить его мысль Брендон.

– Не знаю... мне кажется, да...

– Стив, – серьезным тоном произнес Брендон, – мой тебе совет: выбрось все это из головы. Я не разделяю ни одной твоей идеи по этому поводу и не испытываю ни страха, ни его подобия, находясь рядом с тобой. И могу тебя заверить, что я не являюсь редким исключением.

– Все равно, – вздохнул Стивен, – то, что нас с тобой разделяет, сильнее того, что связывает.

– Почему? Если бы речь шла, скажем, о жизни моих детей, я убил бы кого угодно, не раздумывая!

Стивен покачал головой:

– Для тебя убийство – лишь теоретически возможная вещь, а для меня – свершившийся факт. Мы с тобой на разных полюсах событий и понять друг друга до конца не сможем никогда.

– Раньше ты утверждал обратное: что если мы считаем себя способными совершить какой-то поступок, то нет большой разницы в том, совершим ли мы его когда-нибудь или нет.

– Я и сейчас так считаю. И все-таки... дистанция велика... Ну, ладно! – Стив мотнул головой и поднялся. – Давай поговорим о другом. Расскажи что-нибудь из твоей практики. Были еще такие случаи, как с Майком? Когда подзащитный считал бы тебя своим спасителем?

– Да, много! Когда выигрываешь трудный процесс, первое время становишься для клиента почти что богом. Иногда и надолго.

– А если не удается стать богом – становишься соучастником... а на твоего подзащитного опускается карающая рука правосудия...

– Нет в природе идеальных преступлений. Все предусмотреть невозможно, – хмуро произнес Брендон. – Для этого и существуют законы и судебно-правовая система, а множество людей, в ней задействованных, постоянно бьются над тем, чтобы законы правильно применялись и эффективно действовали.

– И ты уверен, – ядовито прищурился Стивен, – что эта система настолько чиста и честна, что может распоряжаться судьбами?

– Если бы я не был в этом уверен, то отправился бы на ранчо разводить коров! – отрезал Брендон.

– Твоя система нашла бы тебя и там! Видишь ли, закон – это то, что требует толкования, разъяснения. Этим-то он и страшен: что его нужно *истолковывать*! А ведь это можно сделать по-всякому: в угоду кому-то или чему-то, а то и просто по настроению. Вот скажи: ты сам когда-нибудь брал взятки?

– Нет!

– Значит, давал... – как бы про себя проговорил Стивен.

Брендон зло посмотрел на него:

– В твоём случае взятки не помогли бы.

– Да я вовсе не о том... – Стивен взял в руки книгу, которую Брендон швырнул на диван, и без цели полистал ее. – Ну а твой последний клиент, которого ты кинул, – что там было?

– Во-первых, я никого не кидал, а передал его дело другому адвокату. Там... убийство: муж убил любовника жены.

– О господи! – развеселился Стив. – Не надоело тебе: муж – жену, жена – мужа, муж – любовника, жена – любовницу!

– Это моя работа, – пожал плечами Брендон. – Я занимаюсь уголовными делами, а это сплошь и рядом бытовые убийства.

- Ты надеялся выиграть этот процесс?
- Да, – немного подумав, ответил Брендон.
- За твою практику чего у тебя было больше: удач или поражений?
- Не считал... – нехотя отозвался Брендон. – Хотя... чаще, конечно, удавалось переломить ситуацию.
- Значит, я в твоей карьере – досадный прокол... – заключил Стив.
- Ты в моей карьере... – чуть не выругался Брендон, свирепо посмотрев на Стивена: тот его явно достал сегодня.
- Чего ж ты замолчал? Продолжай! Мне интересно послушать, – не унимался Стив.
- А мне интересно знать, когда ты заткнешься?! – Нервы у Брендона были раскалены уже до предела.
- Стивен вздохнул и направился к двери.
- Ладно, договорим в другой раз, – стоя вполоборота к Брендону, произнес он. – Не пойму только: зачем ты потащился со мной? Ну, предупредил меня – и спасибо. Уверен: ты вывернулся бы и без алиби.
- Свинья! – буркнул Брендон.
- Стивен сделал вид, что не расслышал, и, вздохнув еще раз, вышел из комнаты.

Брендон снова взял в руки книгу и задумался.

«Несовершенство правовой системы, возможность судебной ошибки, роль случайных факторов...» – эти вопросы всегда были самыми болезненными для него. И он прекрасно понимал, куда понесут его сейчас воспоминания, но спастись от них уже не мог...

...То дело было вторым по счету в его практике. Уже задним числом Брендон понял, что ему, тогда еще желторотику, подсунули столь скользкое дело нарочно. В то время он не думал об этом и не подозревал, какое количество врагов может быть у человека, еще не успевшего наделать сколько-нибудь значимых неприятностей окружающим. Врагов, которые возникают сами собой, как самоорганизующаяся материя, и которых вызывает к жизни один только факт нашего существования. Будь на его месте какой-нибудь старый ловкий адвокат, он наверняка легко выпутался бы из искусно расставленных сетей. Но у О'Брайана тогда еще практически не было опыта. Не успел он сделать и первых шагов, как тут же оказался между Сциллой и Харибдой: между темной пропастью гнусного шантажа и искушением закрыть на все глаза, дать возможность событиям разворачиваться без его участия. Он выбрал второе...

Его шантажировали – это правда. Но правдой было и то – Брендон это чувствовал, – что реальная опасность не так уж и велика. Он не столько спасал свою шкуру – только свою, тогда он еще не был женат, – сколько бездействие предпочел борьбе.

Позднее в свое оправдание Брендон всегда приводил тот факт, что он не взял денег и не стал делать того, что от него требовали. Но благодаря занятой им нейтральной позиции машина правосудия была развернута против невиновного. Брендон, наверное, дал бы в морду тому, кто осмелился бы обвинить его в этом. Но самому себе ему все-таки постоянно приходилось доказывать, что человек этот не был совершенно безвинным. Но не был он и виновен в такой степени, насколько суровым оказалось наказание, – это Брендон тоже хорошо знал. А ведь человек этот был его *подзащитным*!

Странно... Как давно он не вспоминал об этом. Может, и не было тогда никакой сделки с совестью? Просто все случилось так, как и должно было?.. Да, он не брал никогда взятку. Здесь он не солгал. Но мог ли он, положив руку на сердце, сказать, что всегда был абсолютно честен? И не была ли эта *непререкаемая честность*, которой он так гордился и в которую сам уверовал, как в божество, скорее мифом, чем реальностью?

И Брендон подумал, что, наверное, не случилось бы всей этой истории с Кларком, не будь на его совести пятен и пятнышек, подобных этому...

Глава 8. Выбор

– Откройте, пожалуйста, гараж, – вежливо, но настойчиво попросил полицейский. – Это ваша машина?

– Это не моя машина, – спокойно ответил Майк, отправляя ключи в карман.

– А чья?

– Моего адвоката.

– Вы можете объяснить, почему она стоит в вашем гараже?

Майк нахмурился, но ответил почти сразу:

– Он попросил меня об этом.

– Зачем?

– Не знаю, я не спрашивал.

– Возможно ли такое? – На лице полицейского изобразилась плотоядная ухмылка бывшего охотника. – Вы не поинтересовались, в чем причина столь необычной просьбы?

– Я привык доверять ему, – холодно отпарировал Майк.

– Бывало ли раньше, что ваш адвокат обращался к вам с подобной просьбой?

– Не помню... кажется, что-то такое было... давно...

– Простите, но мне придется спросить вас еще кое о чем. – Полицейский вальяжно оперся о «мерс» Брендона, будто собиравшись на нем разлечься.

Майк смерил копа взглядом – его ординарная физиономия выглядела ужасно нахальной. Довольная самоуверенность, с которой тот задавал ему вопрос за вопросом, до предела раздражала Майка, и он с превеликой радостью размазал бы сейчас эту кряжистую фигуру по сверкающему капоту.

«На этого гада выдержки у меня должно хватить!» – решил он.

– Спрашивайте.

– Мистер О’Брайан был один, когда заезжал к вам?

«Так, фамилия уже прозвучала... Значит, дело приобретает серьезный оборот!»

– Да, один.

– Вы уверены в этом? – Полицейский выдержал паузу: – Мистер Филдстайн, советую вам хорошенько подумать, прежде чем отвечать дальше. Вы не можете не понимать, что вас ожидает за дачу ложных показаний.

«А это уже настоящий допрос!» – Майк почувствовал, как воротничок рубашки, словно удавка, впился ему в шею, он нервно покрутил головой. В конце концов, он знал, на что идет. Брендон ничего не скрывал от него и честно предупредил. С самого начала нельзя было сбрасывать со счетов такой поворот событий.

– Потрудитесь, пожалуйста, вспомнить, – продолжал полицейский, – в котором часу вы вернулись в тот день домой?

– В какой день? – попытался прикинуться Майк.

– Когда мистер О’Брайан оставил у вас машину, – услужливо уточнил полицейский.

– Часов... часов в пять вечера. Я был очень занят тогда: на следующее утро у меня была назначена ответственная операция.

– Однако в тот же вечер вы не поленились съездить в *...вилл и взять там напрокат черный «форд». Не расскажете ли вы мне, зачем вам понадобилась эта машина, куда вы на ней ездили и где она сейчас?

Майк молчал. Дальше валять дурака было бессмысленно. Видимо, они все уже раскрыли, и им теперь нужен только выгодный свидетель.

– Вы взяли ее для Брендона О’Брайана? – не дождавшись ответа, подсказал полицейский. Майк зло сощурился:

– Меня могут в чем-то обвинить?
– Да. В соучастии в побеге опасного преступника.
– Сколько?
– До десяти лет тюрьмы.
– Вы шутите?! – вскричал Майк. – Я же не совершил ничего противоправного! Я только выполнил то, о чем попросил меня мой друг. И в глаза не видел никакого преступника!
– Тем не менее это заявление не избавит вас от возможного обвинения. Но заверяю вас, что точность ваших показаний будет, без сомнения, учтена.
– Сожалею, мистер...
– Харт! – отчеканил полицейский.
– Сожалею, мистер Харт, но больше мне нечего добавить. – Майку почудилось, будто в эту минуту кто-то опустил ему на спину мешок с песком, а сам он вдруг сразу стал старше и ниже ростом.
– Мистер Филдстайн, – просверлил его голос копа, – в принципе, у меня есть уже все основания для вашего задержания. Поэтому в ваших же интересах ответить на мой вопрос. Скажите: вам известно, где сейчас находится Брендон О’Брайан?
«Вот он, момент истины!» – подумал Майк.
Как много он дал бы за то, чтобы никогда не оказаться перед его лицом! Да, тот самый момент, выход из которого – Майк уже чувствовал, знал – будет один: честь и хвала снаружи и бесконечные укоры совести внутри...

Два дня и две ночи Лори провела в непрерывном ожидании – вот сейчас раздастся стук в дверь. Если звонок не зазвонил в эту минуту – значит, обязательно зазвонит в следующую. Лори не сомневалась, что Стив, или полиция, или кто угодно – может быть, сама смерть – вот-вот заявятся к ней! Она сидела на диване, обхватив колени руками, и снова перебирала в уме все свои тридцать три несчастья. Так хотелось вспомнить хоть что-нибудь хорошее... Но получалось, что ничего хорошего в ее жизни никогда, собственно, и не было, а если и было, то так недолго... И на поверку всегда оказывалось обманом.

Парень, с которым она встречалась до Стива, – этот студент с философского... Кто только мог подумать?! Нет, лучше не вспоминать!.. Но Лори все равно еще помнила, как на первое свидание философ принес ей восхитительные белые лилии, и потом, когда узнал, что она очень любит цветы, стал приносить ей их каждый день. Лори и сама не заметила, как из прыщавого очкарика он вдруг превратился для нее в прекрасного принца, – она еще помнила, как летела на свидания с ним, а внутри нее вибрировала каждая жилка.

Первые несколько ночей все было замечательно. Но потом началось *такое*... чего она не видела ни в одном эротическом сериале и что очкарик игриво именовал «не совсем традиционным сексом». Даже близким подругам Лори не могла рассказать, какие штучки он выделывал в постели, – не потому, что считала постыдным говорить об этом – в конце концов, это был не ее грех, – но при одном только воспоминании о том, от чего ее партнер приходил в экстаз, у нее комок подкатывал к горлу и она боялась, что ее на самом деле стошнит.

Долгое время после разрыва с «какашечником» Лори и взглянуть не могла в сторону мужиков – в каждом ей мерещился извращенец. Но понемножку страхи улеглись, она успокоилась и опять стала ощущать тоску и неприкаянность.

И вот тут вдруг появился Стив... Это было что-то! Высокий, веселый, добрый, нежный... нет, это слишком! Слишком хорошо, чтобы быть правдой. «Что он во мне нашел? – думала она. – Ведь девушек вроде меня пруд пруди». Такой большой, такой сильный... Лори всегда чуть робела рядом с ним.

Стив ничего не требовал, не ставил никаких условий – это так здорово! Он практиковал с ней только такие формы секса, от которых она получала наибольшее удовольствие. И Лори

было приятно видеть, что он делает это не в уступку ей, а наоборот, ее искреннее наслаждение становится его наслаждением.

Господи, как же хорошо было с ним! Иногда прямо посреди ночи Лори спохватывалась и спрашивала себя: «Неужели такое бывает? Нет, это не навсегда». И, увы, оказалась права: встречались они совсем недолго. Сглазила она, что ли, спугнула свое счастье? Или просто трезво оценила ситуацию? Но очень скоро – в один миг – все рассыпалось в прах.

В середине дня ей на работу позвонил Робин – и зачем только он познакомил ее со Стивом? – и проорал в трубку: «Ты что, газет не читаешь?!»

Газет Лори и правда не читала. А лучше было бы, если бы она вообще не умела читать, а заодно и видеть, и слышать, – так она хотя бы никогда не узнала, что натворил Стив...

И сейчас самое лучшее – оглохнуть, или что угодно, только бы не мучиться в этом бесконечном заледенелом страхе! Лори обхватила голову руками, и ей стало казаться, что она и вправду начинает глохнуть.

Но когда звонок наконец прозвучал – на этот раз холодно, неумолимо, – она не сразу даже поняла, что это за звук. Звонок повторился. «Стив!» – прошептала Лори, и ее бросило в жар. Она сползла с дивана и на негнущихся ногах побрела в прихожую, негнушимися пальцами отворила дверь – и тут уж ее бросило в холод: на пороге стояли полицейские!

Полиции Лори боялась с детства, боялась панически. И хотя за всю жизнь она не имела никаких столкновений с блюстителями порядка, страх этот с годами только усиливался. Даже одни разговоры о каких-нибудь серьезных правонарушениях повергали ее в ужас. По этой же причине она никогда не читала детективов, а в кино ходила только на сентиментальные мелодрамки.

И вот теперь копы *в ее даме!* Если до этого Лори казалось, что она оглохла, то теперь она словно онемела. Это было точь-в-точь, как однажды в детстве, когда она чуть не утонула, заплыв на середину реки: барахтаться еще барахтаешься, а кричать сил уже нет.

Копы... как их много... сколько – она не могла сказать... они рассыпались по всей комнате... А те двое, которые задают ей вопросы, – они такие одинаковые... у них одинаковые лица, одинаковые голоса – они близнецы? Или у нее просто двоится в глазах? Тот, что справа, – он предупредил ее об ответственности за дачу ложных показаний, или ей послышалось? А, какая разница? Все равно, что она ни скажет сейчас, все будет *ложными показаниями!*

Лори попыталась что-то произнести, но язык совсем не слушался, и слова выскакивали какие-то чужие, перекорезженные, будто иностранные.

...Да, он был у нее... ну да, был... да, один... она не знает, куда он ушел... она не помнит, когда он приходил... не помнит, не знает... не помнит... не знает... И Лори продолжала повторять одни эти фразы, хотя никто ничего у нее уже не спрашивал, и знала, что будет повторять их теперь всегда, даже под пытками...

Один из полицейских что-то негромко сказал другому, и тот засмеялся, и двое рядом с ним тоже засмеялись. Теперь они все смеются! Чем же она их так развеселила? Ну и пусть смеются! Пусть! Пусть все будет, как будет. Пусть ищут, пусть найдут – его, Стива, судьба, не найдут – его счастье. Но она никак не будет в этом участвовать! Она ничего не будет больше говорить!!!

...Полиция исчезла так же, как и появилась, точно ее и не было. Лори стояла посреди комнаты одна. Было очень тихо. Она нащупала рукой краешек дивана и села. «Что это? Это начало или конец?» – она ничего не понимала.

Сейчас Лори снова вспомнила того Стива, в которого была так восторженно и так недолго влюблена, и того страшного оборотня-убийцу, которым он стал для нее теперь, – и голова у нее пошла кругом: совместить эти два образа в один было невозможно! Ужас состоял в том, что Лори так и не могла понять, с кем из этих двоих она была недавно близка и кого из них только что всеми силами пыталась выгородить...

Глава 9. День рождения

Брендон сидел в гостиной и читал. За несколько дней, проведенных в лесном домике, он почти сросся с этим диваном. Наверное, если бы он курил, то не выпускал бы сейчас сигарету изо рта, если бы пил, то, скорее всего, валялся бы под этим же диваном. Но так как ни то ни другое не было ему свойственно, единственное, что оставалось, это чтение – хотя бы успокаивало, пусть и ненадолго.

В коридоре послышались шаги, и его вдумчивое уединение прервал веселый возглас Стивена:

– Тут не дом, а настоящий склад! Смотри, что я нашел! – Он стоял на пороге, в руках у него были две бутылки виски.

– Ого!

– Бренд, давай устроим какой-нибудь праздник. А то мы тут совсем прокисли.

– Я не против. Что будем отмечать?

– Да хотя бы... мой день рождения! – радостно выпалил Стив.

– А когда он у тебя?

– Ну... он, вообще-то, уже был, но почему бы нам не отметить его сейчас?

– Давай, – согласился Брендон. – Кто ты у нас по гороскопу?

– Лев!

– Кто ж сомневался! – усмехнулся Брендон.

Стивен быстро слетал на кухню и через пару минут вернулся, навалив на поднос все, что попало ему под руку. Брендон с улыбкой следил за приготовлениями. Стивен поставил два стаканчика и, на удивление Брендона, открыл сразу обе бутылки – праздничный стол был готов.

– Что тебе пожелать? – спросил Брендон.

– А себе ты бы чего пожелал?

– Давай так: чтобы для нас обоих все хорошо кончилось!

– Это больше похоже на надгробную речь. Все когда-нибудь кончается...

– Хорошо, тогда так: пусть как можно дольше не кончается то, что мы хотим, чтобы оно не кончалось никогда! – произнес с торжественным видом Брендон.

Стивен покосился на него:

– Ты сам-то хоть понял, что сказал? Ну да ладно... За нас с тобой! – Они дружно выпили.

– Подарок за мной, – сказал Брендон, ставя стаканчик на стол.

– А что ты бы мне подарил? – заинтересовался Стив.

– Я не люблю громоздких подарков. Если это близкие люди, то как мужчинам, так и женщинам я предпочитаю дарить украшения, драгоценности.

– Ну, драгоценность я, положим, от тебя уже получил, – Стивен повертел левым запястьем. – «LONGINES»... думаю, они обошлись тебе немало! А украшения... Мужчины редко пользуются ими: перстни, браслеты, булавки для галстука – невелик набор. Главное украшение мужчины – это женщина. В его крепких объятьях она – как бриллиант в драгоценной оправе! – произнес Стивен, глубокомысленно подняв вверх руку. – Но... если женщина эта некрасива... мужчина рядом с ней сразу предстает несостоятельным, даже ущербным.

– А тебе, конечно, доставались одни красавицы! – усмехнулся Брендон.

– Не доставались – я их сам выбирал.

«И довыбирался!» – ехидно подумал Брендон, а вслух произнес:

– Ты рассуждаешь, как заправский бабник.

– Если мужчина не бабник, он бесцветен. Это слабак во всех отношениях. Могу тебе заметить, что у бабников редко бывают проблемы с потенцией.

Брендон промолчал. Ему надоела эта тупая болтовня и захотелось поговорить о вещах более серьезных.

– А ты мог бы стать палачом? – вдруг спросил он.

– То есть как? – не понял Стивен.

– Ну, еще в эпоху Средневековья существовала практика: когда требовался палач, работу эту предлагали молодому, физически крепкому смертнику – взамен казни.

– Если бы я мог представить себя во времена Средневековья... – Стивен поднял глаза кверху, – может быть, я и ответил бы. Но я не могу, – покачал он головой.

– Хорошо. Представь, что тебе предлагают это сейчас.

– Что – стать киллером?

– Предположим, киллером, но не на свой страх и риск, а киллером на государственной службе – с условием, что тебе гарантируется полная безопасность и безнаказанность.

– Все равно не отвечу... потому что не знаю. Когда предложат, тогда и разберемся!

– Не хочешь – не говори, – обиженно пробурчал Брендон.

– Не веришь... – улыбнулся Стив.

– Не верю, потому что ты намеренно уходишь от ответа.

– Хорошо. Предположим, я скажу: «Да!» – с вызовом произнес Стивен. – Что это дает тебе?

– Я ответил бы... так же.

– И когда ты это понял, это привело тебя в ужас.

– Что-то вроде... – согласился Брендон.

– Но так ответило бы большинство. Слишком велико искушение и слишком много лазеек, чтобы оправдать себя. Мало кто способен отказаться от такого королевского подарка – ведь это значит отказаться от жизни. За возможность избежать смерти мы готовы согласиться на многое. И продолжаем цепляться за жизнь, даже когда видим, что она уже ничего не способна дать нам, кроме страданий, и что только смерть принесла бы избавление. Это то же самосохранение, но только в осознанном варианте.

Брендон слушал нахмурившись. Стивен налил себе еще и сразу выпил – от этого разговора настроение у него резко упало.

– Ну, что тебе еще от меня надо? – тяжело посмотрев на Брендона, сказал он. – Опять у тебя что-то вертится на языке.

– Стив... – начал Брендон и тут же запнулся. – Этот вопрос, правда, последний.

– Ладно, что тебя гложет, выкладывай, – согласился Стив, закидывая ноги на стоящее рядом кресло.

– Помнишь... – снова заговорил Брендон, – мы сидели с тобой в день перед казнью... Ты мне тогда так и не ответил...

– Я помню! – перебил его Стивен. – Знаешь, теперь я отвечу так: на свете есть люди, есть сволочи... людей достаточно много, сволочей тоже хватает, но встречаются еще и дьяволы! Моя жена была из их числа... Этого тебе достаточно?

– Пожалуй... – неуверенно отозвался Брендон. – А сразу это нельзя было заметить?

Стивен смотрел в сторону и молча курил.

– Она была очень красива, – наконец, проговорил он, – просто дьявольски красива! Ты бы сам влюбился.

Брендон с сомнением покачал головой, давая понять, что способен быть более осмотрительным. Он уже не надеялся, что услышит еще хоть что-то, но Стивен вдруг заговорил вновь, глядя так же вдаль, словно всматриваясь в те события, о которых собирался сейчас рассказать:

– Все, что она ни делала, следуя зову своих садистских наклонностей, все было направлено на разрушение. За один лишь год, что мы были вместе, она умудрилась буквально перевернуть мою жизнь, перечеркнуть и отнять все, что мне было дорого. Лишила друзей, рассо-

рила с сестрой. – Стивен замолчал, прикуривая новую сигарету. По выражению его лица Брендон понял, что добрался-таки до самых сокровенных уголков его души, и терпеливо ждал продолжения.

– И было еще одно... – снова заговорил Стивен, голос его теперь звучал глуше, – что ей никогда не простится. По ее сатанинскому сценарию погиб человек... мой друг... я боготворил его с детства... и она это знала... Эдди был всего на год старше меня, но тот блестящий набор человеческих качеств, которые его отличали, делал его между нами двоими непрекаемым лидером. И особо ценными из этих качеств в моих глазах были два, которых мне недоставало тогда и обладать которыми я поставил своей целью, а именно: способность *ничего не бояться* и *ни о чем не сожалеть!*

Брендон посмотрел с нескрываемым удивлением:

– А мне казалось, что это у тебя врожденное. Ты, по-моему, и сам так говорил.

– Не помню... может, я когда и блефовал... Несомненно одно: кем мы стараемся казаться, тем в результате и становимся. Но ведь речь сейчас не обо мне...

Стив обхватил рукой подбородок и снова замолк – то ли не мог собраться с мыслями после того, как Брендон перебил его, то ли проживал заново минувшее. Прошла еще минута или две, прежде чем он произнес:

– ...Его убили... из-за денег... немалых денег... которых он не только не присваивал, но даже в глаза не видел.

– И ты предполагаешь, что тут была замешана твоя жена? – вставил Брендон. – Мне кажется, ты ошибаешься: в подобных делах все так просто не случается.

Стив метнул на него взбешенный взгляд:

– Я рассказываю тебе не предположения, а факты! И не спрашиваю твоего мнения на этот счет!

Повисла напряженная пауза. Стив сидел, закусив свои пухлые губы так, что они вдруг исчезли, и рот превратился в узкую щель. Взгляд его остановился на одной точке, отчего лицо сразу стало непривычным, злобным. Брендон почувствовал холодок под ложечкой и впервые подумал, что именно такое лицо могло быть у Стивена, когда он убивал...

– Хорошо... я расскажу тебе еще один случай, – тяжело вздохнув, сказал Стивен, черты лица его сразу разгладились, – после этого мы с ней расстались. Мы не жили вместе уже несколько месяцев, но виделись регулярно. В тот день она пришла ко мне и заявила, что беременна. Мне это было безразлично, ведь я знал, что это не мой ребенок. Шейла попыталась убедить меня в обратном, бубнила что-то невнятное. Я не перебивал ее, хотя не совсем понимал, чего она от меня хочет. «Стив, мы должны начать все сначала!» – наконец сказала она. «Для того, чтобы я стал отцом чужого ребенка?» – спросил я. Шейла не стала мне возражать – думаю, она и сама плохо представляла, кого из своих многочисленных партнеров собирается осчастливить. Она сразу же стала говорить о том, что никогда не хотела разрыва, а этот вечер мы непременно должны провести вместе – он станет началом нашего примирения. Сам не знаю, как ей удалось уговорить меня. Мне упорно не хотелось никуда идти, и она потащила меня почти силой. Мы вышли на улицу, было жарко, хотя солнце уже клонилось к закату. Шейла взяла меня под руку, мы миновали два или три квартала, завернули за угол и зашли в небольшой ресторанчик. Народу там оказалось немного, звучала тихая музыка – в общем, было вполне уютно. Но на душе у меня скребли кошки, и я только о том и думал, чтобы вечер этот поскорее закончился. Не помню, что мы там ели-пили, но не прошло и получаса, как Шейла изрядно набралась. И очень скоро я горько пожалел, что поддался на ее уговоры: она начала меня изводить и вести себя как последняя шлюха. В результате мне пришлось в прямом смысле выдирать ее из чьих-то похотливых лап. В ту драку я ввязался только благодаря ей. Их было человек пять-шесть – сплошной салажнюк. Один из них очень кипятился и грозил раскроить мне череп. Разбираться мы вышли на улицу. Реальным же противником для

меня оказался только один парень, который сыпал приемами направо и налево. Я был намного сильнее, и ему было меня не одолеть. Но решающим аргументом стал нож, который я не успел выбить из его рук. Он полоснул меня им по животу – не глубоко, но метко – так, что уже в следующую секунду я оказался на земле. А еще через секунду вокруг не осталось ни участников драки, ни зрителей. Шейла стояла до этого рядом и, по-моему, с явным удовольствием наблюдала за происходящим. Теперь она подошла ко мне, наклонилась и взяла мою руку в свою. «Позвони в скорую, – попросил я ее, – я ранен, мне нужна помощь». – «А если не позвоню?» – сказала она, играя моими пальцами. «Шейла! Хватит! – взмолился я. – Мне плохо. Я могу умереть. Позвони скорее!» – «О, это интересно... посмотреть, как ты будешь умирать: медленно, долго...» – прошипела она, и глаза ее засверкали. Потом отпустила мою руку, поднялась и отошла на шаг. «Замечательно! – сказала Шейла, нахально улыбаясь. – Ты так картинно выглядишь сейчас – не передать! Как в кино. Давно не видела ничего подобного». – Она подхватила свою сумочку, стоявшую на тротуаре, помахала мне рукой и удалилась, покачивая бедрами. Она была не настолько пьяна, чтобы ничего не соображать. ... Я оклемался довольно быстро и первое, что сделал, – пошел и оформил развод с ней. Как ни странно, Шейла не имела ничего против – видимо, у нее в это время была на примете какая-то рыба покрупнее. Но это, к несчастью, не означало, что она оставила меня в покое. Следующие два года она продолжала методично изводить меня, угрожать, шантажировать ребенком. И я знал, что это будет продолжаться до конца дней – моих или ее... Я готов был убить ее в любую минуту, каждый раз, как только она появлялась на пороге. И, может, никогда не сделал бы этого, но... так получилось... Я ни о чем не жалею.

Брендон слушал внимательно. Он был очень серьезен и даже не заметил, что Стив за это время успел пропустить не один стаканчик.

«Преступник притягивается жертвой...» – эта формула, давно известная Брендону, всегда представлялась ему умозрительной, не заслуживающей внимания. Теперь же он подумал, что, возможно, она и не лишена смысла и что душевное состояние жертвы действительно может определить ее судьбу. Но в таком случае на месте того, кого мы сегодня судим, завтра может оказаться любой из нас! Все зависит только от суммарной комбинации бесчисленного количества факторов – внешних и внутренних, как реальных, так и мистически непостижимых. Вся наша жизнь – калейдоскоп и рулетка, неразрывная цепь закономерностей и случайностей. Кто может знать, как развернется к нему завтра судьба, какими сожмет тисками? И все мы в равной мере способны и на неизмеримо высокое, и на ужасающе низкое. А то, чем мы являемся на самом деле, постичь нам не дано: оно, словно глыба айсберга, скрывается в непроницаемых глубинах...

– То, что у нее был малолетний ребенок, сыграло не в твою пользу, – проговорил Брендон.

– Знаю, – ответил Стивен, – ты мне так сказал в самом начале.

– Почему обо всем этом ты не рассказал мне раньше? Я бы сумел это использовать.

– Потому что не люблю ворошить прошлое. Я и сейчас-то рассказал только, чтоб ты от меня отстал.

– Думаешь, можно откреститься от прошлого, не вспоминая его?

– Да нет, какое там! – усмехнулся Стив. – Прошлое цепко держит нас, потому что оно – часть нас самих. Никуда от него не денешься. Но способность забывать, пусть на время, – штука благословенная! – Он наполнил оба стаканчика. – А ведь кто-то недавно сказал, что вопросов больше не будет.

– Прости! – Брендон взмахнул руками ладонями к Стиву.

– Да ладно... А знаешь, я тебе наврал: никакой я не Лев, – вдруг сознался Стивен, – и день рождения у меня был уже полгода назад – я в феврале родился.

– Да? – отозвался уже немного захмелевший Брендон. – А какая, собственно, разница?
– Вот и я о том же... – Язык у Стива уже плохо ворочался. – Славно мы с тобой посидели. Только я теперь не уверен, смогу ли встать с этого стула.
– Тебе что, машину вести?
– Верно, – Стивен с трудом поднялся и, покачиваясь, побрел в коридор.

Был еще ранний вечер, но Брендона стало клонить ко сну. Стив долго не возвращался.
«Не иначе как он уже отправился на боковую. Изрядно он сегодня набрался. А все-таки после его откровений, – подумал Брендон, – мои проблемы отодвинулись куда-то в тень. И то спасибо!»

Он посидел еще немного. За окном стало уже совсем темно – теперь и вправду можно было идти спать.

Когда Брендон вошел в спальню, Стивен сидел на кровати, обхватив голову руками:
– О-о-о! Меня вывернуло наизнанку! Бренд, посмотри что-нибудь от башки... там, в ванной... есть...

Брендон сходил за лекарством.

– Вот, кажется, это, – он протянул Стивену таблетку.

– Что это? – прищурился тот.

– Ты же просил – от головы.

– Давай сюда! – Стивен забрал всю упаковку и, отсыпав целую пригоршню таблеток, отправил ее в рот.

– Теперь точно отравишься, – покачал головой Брендон.

Стив только замахал на него руками и не раздеваясь растянулся на кровати.

Глава 10. Всё испытать

На следующий день Брендон проснулся поздно. Настроение опять было хуже некуда. Стивен еще спал. Брендон вздохнул и поплелся на кухню варить кофе.

...Он сидел, лениво доедая сэндвич, и мысли его на этот раз потекли в другом направлении: «Сколько еще будет продолжаться это добровольное заточение? Майк обещал приехать не позже чем через неделю, а она уже подходит к концу... Возможно, возникли трудности с документами. А если проблемы оказались посерьезнее? У него ведь остался мой „мерс“. Кроме того, он еще брал для нас машину напрокат. Нет, о худшем не хочется и думать! Не ввязывать Майка – Стиву хорошо так говорить: все ему нипочем. Умудрился же он в первую ночь на свободе переночевать у приятеля, который проходил первым свидетелем по его делу. Ничего не боится, ни о чем не сожалеет, ни в чем не раскаивается... Впрочем, это уже дело его совести. Да и вряд ли сожаление и раскаяние суть одно и то же. – Брендон поднялся, подошел к окну. – Нет, Майк – это единственный поплавок. Я бы и сейчас ничего умнее не придумал. Ждать, ждать... Есть ли занятие тоскливее этого? Но пока ничего больше не остается».

С этими невеселыми мыслями он вернулся в спальню. Было уже около двенадцати. Стивен продолжал спать. Брендон подозрительно взглянул на него, потом нагнулся и слегка потормошил – реакции не последовало. Брендон замер в нерешительности, потом взял в руки стоящую на тумбочке упаковку со вчерашним лекарством, быстро вынул и развернул инструкцию. Пробежав глазами первые несколько строчек, он сразу же понял, что дал вчера Стиву... снотворное!

Брендон прошелся взад-вперед по комнате, растворил окно и подошел опять к кровати. «Вот болван! Что ж я спяну натворил?» – перепугался он не на шутку. Он действительно

не знал, что надо делать в подобных случаях. С опаской глядя на спящего, Брендон расстегнул у него рубашку и, приложив ухо к груди, услышал ровные, отчетливые удары. «Надо еще немного подождать», – решил он и сел рядом.

Стивен спал, лежа на спине. Его мускулистая грудь, покрытая негустой, чуть рыжеватой растительностью и уже успевшая слегка загореть, мерно поднималась и опускалась в такт дыханию.

«Как гармонично он сложен, – подумал Брендон. – Почему-то раньше я этого не замечал...»

Он долго смотрел на спящего Стивена, потом провел рукой по его груди, чуть раздвинув полы рубашки... погладил ниже... еще ниже... и, дойдя до внушительных размеров гениталий, слегка сжал их через одежду...

И в этот момент произошло то, чего Брендон никак не ожидал: Стивен цепко схватил его руку в запястье – он уже не спал и лукаво смотрел на Брендона. Тот оторопел и, как мальчик, пойманный на воровстве, покраснел до ушей.

– Брендон... – протянул Стив удивленно-укоризненным тоном, – *ты меня хочешь?*

Брендон сидел застывший и онемевший. Стивен отпустил его руку, сел на кровати и потряс головой:

– Оригинальный у тебя, однако, способ будить. Извини, но я после вчерашнего к подвигам не готов... Ну, иди сюда. – С этими словами он поднялся и притянул Брендона к себе. Тот не сопротивлялся. Стивен ласково обнял его и поцеловал долгим поцелуем, нежно и горячо. Потом, расстегнув Брендону брюки, принялся одной рукой энергично его стимулировать. Вслед за этим он осторожно увлек его на пол и, встав на колени, ободряюще сказал:

– Действуй! Не бойся, за мной в клинике так ухаживали – я почти стерильный. Ну, давай!

...Брендон кончил быстро и сразу же повалился на спину, закрыв лицо рукой, – он плакал.

– Что с тобой? – искренне удивился Стивен. – Ну, перестань же, перестань! – утешал он его. – Что случилось? Разве было плохо?

– Нет... – ответил через силу Брендон, – слишком хорошо...

Глаза Стивена засверкали, и он расплылся в улыбке:

– Почему же ты плачешь?

– У меня никогда прежде не было гей-контактов... – признался Брендон.

– Даже в детстве?

Брендон покачал головой.

– Ну и что ж тут такого? Я тоже больше предпочитаю с женщинами... Ну и как тебе все это показалось?

– Это совсем не то, что с женщиной... – сказал Брендон, отнимая руку от лица.

– Конечно. Лучше?

– В чем-то – да...

Стивен помолчал немного.

– Ну ладно, поднимаемся. Что-то холодно стало. Это ты все окна пооткрывал? – Он снова сел на кровать. – Выпить что-нибудь осталось?

– Не знаю.

– Черт, как голова трещит! – проворчал Стив, добравшись наконец до кухни. – Лучше бы я нашел их по очереди: вчера одну бутылку, а сегодня вторую.

– А я сначала подумал, что ты отравился, – сказал Брендон.

– С чего тут отравишься? И потом, мы ели одно и то же.

– Я решил, что ты полакомился теми поганками, которых насобирали позавчера.

– Ты же сказал, что нормальные люди грибов из леса не едят, и я все выбросил. По-моему, я ими тайком налопался? – сказал Стивен и, помолчав, добавил: – А готовил, между прочим, ты...

– Думаешь, я намеревался тебя отравить?! – возмутился Брендон.

– Ты? Да куда тебе! – сказал Стив таким презрительным тоном, что Брендон обиделся:

– Что ты хочешь этим сказать?

– А то, что для таких дел у тебя кишка тонка! – засмеялся Стивен. – Да и потом... С какой, собственно, стати? У любого, даже самого необъяснимого поступка всегда есть своя подоплека – прими это во внимание.

– Я не вчера родился! – огрызнулся Брендон. – Будешь сам теперь готовить.

– Прекрасно! Кстати, я делаю это весьма неплохо. Да и что тут готовить – консервы вспаривать, – ответил Стивен, роясь в холодильнике. – Когда мы успели всю пепси выдуть? – удивлялся он. Напившись в конце концов воды из-под крана, Стив провел рукой по лбу: – Да... видно, я еще не совсем поправился. Раньше я мог выпить раза в два больше... без последствий.

– Короче, пил как русский! – хмыкнул Брендон.

– Не пил, – поправил его Стивен, – а *мог* выпить. И потом, не помню, чтобы у меня в роду был хоть один русский. Уж скорее... Когда я был пацаном, вокруг нас жило много латиносов, мы вместе росли, играли. Они хорошие ребята: многое, чего я тогда от них понабрался, пригодилось мне потом в жизни. Они веселые и бесшабашные, а на языке у них больше, чем в голове. Будущее их волнует так же, как нас прошлогодний снег. Но если они любят – так любят, ненавидят – так ненавидят. Слово «компромисс» им незнакомо – оно не из их языка. Мир для них всегда свеж и ярк, а многие из них до старости так и остаются детьми.

– Опять ты все доводишь до абсурда, – покачал головой Брендон. – Можно подумать, что ты говоришь не о латиносах, а об австралийских аборигенах!

– Я знаю, что говорю! – отрезал Стивен. – Всего лишь голую правду, поэтому-то она и выглядит неприглядно. Просто я предпочитаю препарировать действительность, а не приукрашивать ее в угоду условностям.

– Ты, наверное, и по-испански говоришь?

– Да так, немного: ¿Qué tal? ¿Cuánto cuesta esta camisa? ¿Dónde está la playa? Y un poco más...^[1] – что называется, могу объясниться.

Брендон слушал Стивена со смешанным чувством зависти и удивления: «О чем его ни спроси, все он знает, все умеет... Глядя на него, можно не сомневаться, что, дай ему сейчас кольт – он начнет палить в цель без промаха, окажись здесь рядом лошадь – он резво вскочит на нее, а опустись сюда вертолет – спокойно сядет вместо пилота. И в сиянии столь ценных качеств недостатки его предстают в таком выгодном свете, что уже выглядят как достоинства!»

Стивен между тем сварил себе кофе и, прихватив сигареты, отправился в гостиную. Брендон последовал за ним.

– Ты знаешь, Брендон, – заговорил Стив, растягиваясь в кресле, – я рад, что у нас с тобой получилось... Я последнее время так к тебе привязался! Но мне и в голову не приходило предложить тебе что-нибудь подобное. Ты созрел раньше меня.

Брендон сидел напротив и разглядывал Стива так, будто в первый раз его видел. Стивен ответил ему открытой улыбкой:

– Что ты такой мрачный? Тебя, наверное, в детстве слишком строго воспитывали? Но, согласишься: человек все должен испытать в жизни, тем более если это удовольствие. Если ты не против, мы могли бы снова заняться друг другом...

Брендон продолжал молча смотреть на него. Он подумал о том, что, не отягощая свою жизнь предрассудками, не ограничивая себя условностями, Стивен и сумел достичь всего, что вызывало сейчас его восхищение. И в своем рвении «*всё испытать*», пожалуй, даже переусердствовал...

- Ну, так как? – переспросил Стив.
- Секс хорош только на ночь, – отозвался наконец Брендон. – Иначе потом весь день ходишь разбитым.
- Чушь! Секс хорош в любое время. Если, конечно, ты к нему расположен. – Стив поднялся: – Пойду прогуляюсь. Погляжу, как там наши колеса.
- По шоссе не болтайся! – крикнул Брендон ему вдогонку.

Брендон остался сидеть посреди гостиной. Он был настолько шокирован своим собственным недавним поведением, что чуть было не расплакался снова. Происшедшее представилось ему сейчас до такой степени ирреальным, что он подумал: «Может быть, это уже не моя жизнь? Может быть, как в избитой фантастике, я попал в какое-то другое измерение? Сон, бред! Если бы только можно было сейчас тряхнуть головой и проснуться!» Собирая обрывки своих разорванных мыслей, он попытался заглянуть в себя поглубже – и вдруг увидел там такое, что ужаснуло его: будучи по природе эстетом, Брендон понял, что Стивен своей безукоризненной внешностью возбуждает и эту сторону его натуры. «Сначала я попал под власть его обаяния, потом – личности, а скоро не смогу без него жить? Уж лучше бы это была минутная блажь... А если не блажь и не последствия похмелья... Остается только повеситься!»

Но с какой беззаботной естественностью воспринял все Стивен! Имея по физическому и психическому складу имидж мачо, он еще, оказывается, мог быть и виртуозным гомосексуальным любовником.

«Я не смогу, как он... Ничего не выйдет! – понял Брендон и поймал себя на том, что думает о Стивене уже совсем иначе, чем прежде: – Господи! Да что это со мной?!»

Но следующая мысль поразила его еще больше: Брендон подумал, что те слова – о подоплеке человеческих поступков, – которые Стив бросил мимоходом, наверняка не вкладывая в них глубокого смысла, – может быть, и есть ключ ко всему происшедшему, объяснения чему он так долго искал. И что причины тех поступков, которые мы совершаем, на первый взгляд, неосознанно и действуя будто по какому-то фатальному внешнему принуждению, на самом деле кроются глубоко в нас самих...

Глава 11. Сатанинское безумие

Пошла вторая неделя жизни в лесу. Продукты заканчивались, и хочешь не хочешь – надо было что-то соображать на этот счет. Их личные контакты благополучно переключались в новую фазу, из-за чего Брендон какой уже день ходил сам не свой – он понимал, что упустил момент и не заметил грани, которую перешел. Не заметил Брендон и того, как с его молчаливого согласия активная роль в их отношениях плавно и естественно перешла к Стивену. В принципе, это уже ничего не меняло.

Стало заметно прохладнее. Но Стив не упускал любого случая «порезвиться» на природе, а каждый вечер умывался во дворе до пояса. За этим занятием и застал его в тот вечер вышедший на порог Брендон.

Стивен оглянулся:

- Ты чего сегодня весь день как в воду опущенный?
- Я спать собираюсь... – глухо отозвался Брендон.
- А мы с тобой теперь настоящие деревенские жители: ложимся с курами, встаем с петухами, – сказал Стивен. – Я сейчас приду. – Он поплескался еще пару минут и, накинув полотенце на плечи, вошел в дом.
- Какая у тебя мощная грудь, – отметил, глядя на него, Брендон. – Ты ведь сейчас не качешься.
- Да я и раньше специально не накачивался. Уж что природа дала.

– Она дала тебе красивое тело...

– Это мне бабы всегда говорят в постели, – хмыкнул Стив, – что у меня отличное тело.

– Значит, я теперь как баба... – упавшим голосом проговорил Брендон.

– Брось, Бренд! – сказал Стивен, проходя в спальню. – Ты нормальный мужик, и ничего бы с тобой такого не приключилось, если бы мы не оказались тут совсем одни. Ну ничего, скоро мы поедem в *...виль, возьмем там себе свеженькую девочку, оттрахаем ее во все дырки... нет, лучше возьмем каждый по девочке... и ты сразу вспомнишь, что к чему.

– Мне кажется... – Брендон отвел взгляд, – я больше не смогу с женщинами...

– Перестань! Это все оттого, что ты вдруг резко оторвался от семьи. Вернее, это я оторвал тебя от прежней размеренной жизни. Мне, по правде говоря, даже совестно. Но здесь не во всем моя вина, ты же знаешь... Скоро я верну тебя домой – не знаю еще точно как, но обещаю, что верну, и все придет в норму, – заверил Стивен, растягиваясь на постели. – Нет в тебе ничего такого, что помешало бы тебе жить по-старому.

Брендон лег рядом.

– Ты не понял меня: я не смогу теперь больше ни с женщинами, ни с мужчинами... только с тобой.

Стив тяжело вздохнул и покачал головой:

– Так нельзя, Брендон! Ты зашел слишком далеко. Приучай себя к мысли, что скоро мы должны будем расстаться. Я не могу принадлежать тебе вечно. Я уже сейчас чувствую дискомфорт... тоску, если хочешь... Мне по ночам стали сниться пышные сиськи и горячие влажные щелки. Мне необходим *обычный* секс, понимаешь? Обычный! ...Ну, хорошо... – смягчившись, добавил он, – мы потом с тобой что-нибудь придумаем. Не горюй!

Расставаться с Бренденом было жаль – с ним так спокойно. Если Стивен и не чувствовал себя как за каменной стеной, то все равно была какая-то уверенность, поддержка. Скоро придется полагаться только на себя.

Стивен улыбнулся и погладил Брендона по груди.

– У тебя было много женщин? – спросил тот, придержав его руку.

– Не считал.

– Так обычно говорят, если речь идет о сотнях.

– Да нет! – хмыкнул Стив. – Я думаю, что меньше сотни... даже много меньше... Я не люблю девчонку на одну ночь и проституток снимал редко. Обычно если у меня завязываются отношения с женщиной, то это занимает какое-то время – бывает, год, а то и больше. Конечно, я не против разнообразия, но по натуре я привязчивый... – Он хотел сказать что-то еще, но Брендон, почувствовав себя на волне своей стихии – задавать вопросы, – перебил его:

– Ты помнишь свой первый опыт?

– Да. Это было с парнем, – ответил Стив.

– Ясно. Ну а с девушкой?

– А с девушкой мне пришлось нелегко! Она была старше меня, и я страшно пасовал перед ней – не потому, что боялся потерпеть неудачу, – мне очень хотелось выглядеть в ее глазах бывалым бойцом. Короче, я решил, что должен показать ей «суперкласс»! И донежничался до того, что она потом несколько месяцев бегала за мной, ожидая продолжения.

– А оно в твои планы не входило...

– Я тогда влюбился в другую девчонку. Она была целочкой. На ней я, может быть, и женился бы... Мы встречались долго – года два, – но потом как-то сразу расстались, даже не знаю почему.

Брендон усмехнулся и отвел глаза.

– И с кем же было лучше всего? – спросил он.

Стивен замолчал, резко сдвинув брови. Потом сел, достал сигарету из пачки, нервно похлопал по тумбочке, разыскивая зажигалку. Брендон опасно наблюдал за ним. Наконец,

найдя зажигалку на полу, Стив несколько раз вхолостую щелкнул ею и, не добившись результата, запустил с размаху в дальний угол комнаты. Зажигалка, отскочив от стены, зарылась в напольный ковер.

«Кажется, с последним вопросом я переборщил...» – подумал Брендон.

Стивен подпер голову руками и замер в неподвижной позе, с отрешенным взглядом.

...Впервые он увидел ее в профиль. Она сидела за высокой барной стойкой через два места от него со стаканом мартини в руках, рассеянно слушала неугомонно болтавшую подругу, сидевшую рядом, курила, наигранно закидывая голову и пуская вверх струи дыма, и лениво посматривала по сторонам.

Только взглянув на нее, Стив уже не мог оторваться. С этой минуты все поплыло вокруг – и в бордово-красных тонах ресторан, и заполонившие его звуки музыки, переливы света, запахи – все начало перетекать и смешиваться, как в фантастическом калейдоскопе, образуя нелепые, немислимые сочетания. Но сквозь всю дурманящую поволоку ощущений и зыбких очертаний проступал лишь один четкий рельеф – дышащий мрамор ее обнаженных плеч.

Стив во все глаза глядел на нее, но не замечал ни цвета, ни фасона ее платья, а видел только эти обворожительные плечи да спадающие на них чудные, с медным отливом волосы.

Теперь она была уже в полупрофиль к нему.

«Красивая... Очень красивая! Нет – просто шикарная! Всю жизнь о такой мечтал!» – думал Стив, пытаясь приворожить ее взглядом.

Скоро его старания увенчались успехом – она поставила пустой стакан на стойку и, словно почувствовав, быстро взглянула на Стивена – конечно, этого было достаточно. Она посмотрела снова и, оценив его гипнотизирующий взгляд, медленно произнесла:

– Нравлюсь?

– Да! – сразу ответил он.

– Не тебе одному...

– Легко представить! – так же быстро сказал он.

Она улыбнулась загадочно и отвернулась.

...А музыка бубнила, колотила в безостановочном ритме: «Тум-тум-тум, тум-тум-тум, тум-тум-тум!!!» – стремясь подмять, подчинить себе все вокруг. Но на этот бешеный ритм уже накладывался другой – более четкий и мощный: «Ту-тум, ту-тум, ту-тум, ту-тум, ту-тум!!!», – стучавший у него в висках.

Стивен сидел как в ступоре и не узнавал себя: знакомился он всегда быстро, за словом в карман не лез. Да и не бывало с ним раньше такого, чтобы он робел с женщинами. Но время шло, а Стив все никак не мог подыскать фразу для продолжения разговора.

Ну вот: кажется, они уходить собрались. Подруга ее встала и направилась к выходу, а сама она уже расплывается. Стив соскочил со стула.

– Потанцуем? – вдруг выпалил он.

Она обернулась:

– О! Я и забыла про тебя. Думала, ты ушел давно... – и посмотрела чуть пристальнее: – Нет, как-нибудь в другой раз.

Стив взял ее за локоть:

– Где я увижу тебя?

Она легким движением высвободила руку и, порывшись в сумочке, протянула ему свою визитку:

– Меня зовут Шейла. Вот мой номер. Может быть – если тебе повезет, – то и дозволишься... – И она вдруг рассмеялась звонким, но холодным смехом.

Он дозвонился...

... Стивен поднял глаза. Но взгляд оставался таким же – напряженным и немного растерянным, будто он очнулся после тяжелого сна.

– ...Когда я ударил ее первый раз, – проговорил он, голос был тихий, но твердый, – она по-сумасшедшему взвизгнула. И от этого крика у меня будто помутилось все в голове. Я схватил ее одной рукой за горло, а другой бил и бил уже не переставая: рука сама поднималась и опускалась, поднималась и снова опускалась...

Брендон нахмурился: в его памяти мгновенно всплыли фотографии с места преступления, которые он просматривал, готовясь к первой встрече с клиентом Кларком. Брендон вспомнил, в какой ужас привели его эти фотографии – отталкивающе натуралистичные и беспристрастно-документальные. Он подумал тогда о том, как же трудно ему будет на этот раз представить, понять, что чувствовал в момент убийства его новый подзащитный...

– Семнадцать ран! Три из которых оказались смертельными, – непроизвольно вырвалось у него. – Ты ударил ее даже по лицу!

– Да... – глухо отозвался Стив, нижняя губа его при этом чуть дрогнула. – Когда она затихла, я опустил ее на пол и посмотрел ей в лицо – на нем застыл страх. Глаза закатились, а вся щека была залита кровью... И тогда, Брендон, я бросил нож... и закрыл ей глаза...

Воцарилась тяжелая тишина. Только по оконному стеклу едва слышно позвякивали капельки дождя.

Брендон приподнялся и сел на кровати. Он хорошо представлял себе сцену убийства – по долгу службы ему пришлось изучить ее в мельчайших подробностях. Потом изнурительно долго разбиралась она уже в зале суда. И вот сейчас эта сцена – обрисованная в нескольких предложениях, но ужасающе ярко и отчетливо – предстала *глазами убийцы* – только в уже совсем ином ракурсе...

– ...Секс с ней, – вновь заговорил Стивен, – всегда был невероятным, неистовым... Ни на что не похожим! Это было сатанинское безумие! Иногда мне казалось, что она обладает каким-то магическим секретом или что-то перед этим подмешивает мне в еду или питье. У меня даже были косвенные свидетельства этого.

– Ты... уверен? – насторожился Брендон.

– Мне так казалось... Нет, – покачал головой Стив, – сейчас я не могу точно сказать.

– Могла она это сделать в тот день? Кажется... кажется, вы что-то пили с ней тогда... кофе?

– Да... да, кофе.

– Стив... – Брендон вдруг вскочил как ужаленный. – Стив! Я же знал, что так оно и было! Я знал! Да, именно так! Несомненно!

Стивен тяжело посмотрел на него:

– Не дури, Брендон. Я понимаю, о чем ты... Но я сделал то, что сделал. Что *хотел* сделать! Брендон не слушал и продолжал восклицать, расхаживая по комнате:

– Я был прав! Я с самого начала понял, в чем суть дела! Для меня теперь важно то, что...

– Так, Бренд, сядь! – оборвал его Стивен. – Или ты успокаиваешься, или я сейчас же уезжаю и больше ты меня не увидишь. Понял?

Брендон сразу остановился:

– Не волнуйся – я не побегу сию минуту доказывать твою невиновность. Это теперь будет очень непросто! Почему ты раньше не дал мне такой возможности?

– Не делай из меня ангела, Брендон. Я хотел этого. И я не раскаиваюсь. Если вернуть время вспять, я убью ее снова!

– Не понимаю только: зачем тебе этот *статус убийцы*? – продолжал Брендон. – Ты себя в нем будто героем чувствуешь!

Стив сверкнул глазами:

– Я таков, каков я есть! Нож в руку мне никто не вкладывал! – Он с силой стукнул кулаком по тумбочке, так что отозвалось оконное стекло.

Опять наступила тишина. Стивен сидел, обхватив голову руками, Брендон, уже привыкший к внезапным вспышкам его гнева, стоял напротив.

– Ты упорно твердишь о своей виновности, – проговорил он, – но с еще бóльшим упорством стараешься теперь избежать наказания. Но если ты виновен, то... за все надо отвечать.

Стивен поднял голову и хмуро глянул на Брендона. Потом поднялся и подошел к шкафу. Нашупав в кармане переброшенных через дверцу брюк другую зажигалку, закурил.

– Нет, Брендон, – сказал он, глубоко затянувшись, – я никогда не говорил, что виновен, а только, что *убил!* Чувствуешь разницу?

– Ты ответил «да» на вопрос, считаешь ли себя виновным в убийстве.

– Не совсем так. На суде я сказал: «Да, я *убил ее*», а вовсе не положенное: «Признаю». А отвечать, Бренд, я теперь буду уже перед Богом. И будь спокоен: он меня обязательно накажет... если сочтет нужным! – Стивен рассмеялся и обнял Брендона за плечи: – Пошли спать!

Но тот продолжал сокрушенно качать головой – он все еще был под впечатлением от своего открытия:

– Нет, я убежден: в твоём случае надо было говорить о наркотических веществах! Ведь есть масса возбуждающих средств, под воздействием которых человек может вести себя совершенно непредсказуемо. И многие из них нельзя...

– Брендон, ты оглох? – с металлом в голосе прервал его Стивен. – Я, кажется, ясно сказал: прекрати! Или...

– Ты мне угрожаешь?! – возмутился Брендон.

– Просто не желаю больше выслушивать твои бредни. Разговор окончен! Ты понял?

– Понял, – обиженно буркнул Брендон.

– Вот и молодец. Ложись, – Стив потянул его за рукав.

Было уже за полночь. Дождь из морозящего превратился в проливной. И теперь за окном жалобно завывал ветер, стуча по стеклу мокрыми ветками акации.

Они молча лежали рядом: Стивен курил, Брендон сосредоточенно изучал потолок. И хотя думали они об одном и том же, получалось, что у каждого из них здесь была *своя истина*, в непреложности которой оба не сомневались.

Теперь Брендон был уже полностью уверен в невинности Стивена. Но он понимал, что дальше обсуждать эту тему – дело абсолютно бесперспективное.

«Вряд ли мне когда-нибудь удастся переубедить его, – думал Брендон, – если уж он в чем-то непреклонен, то спорить с ним бесполезно, а его максимализм порой граничит с идиотизмом! Он продолжает себя оговаривать и ставит знак равенства между „готовностью убить“ и „убийством де-факто“. Что он хочет этим доказать? Кому? Нет, определенно, во всей этой истории он сам загнал себя в угол!»

У Брендона не укладывалось в голове, как можно было спокойно дожидаться обвинительного приговора, если имелась реальная возможность его избежать? Но Стивен предпочитал даже смерть, лишь бы не снисходить до обсуждения своего поступка. При этом он не снимал с себя ответственности за содеянное, но трактовал ее весьма своеобразно, собираясь отвечать лишь перед Всевышним, – просто потому, что не считал преступлением отправить в ад того, кто был, по его мнению, этого места исчадием!

«Несомненно, он прав в том, что только одному Богу подвластно воздать каждому по делам его. Но, рассуждая подобным образом, он же, по сути, отстаивает свое *право на убийство!* Господи, какой кавардак у него в голове!» – решил Брендон, проследив явную противоречивость в мыслях, а часто и в действиях Стивена. Но тут ему подумалось, что в этой про-

тиворечивости, может быть, и заключена загадочная притягательность Стива, и несмотря ни на что, он любит его *именно таким...*

Стивен потушил сигарету, повернулся к Брендону и, осторожно сняв с него очки, положил их на тумбочку.

– Стив... – проговорил Брендон, – я надоел тебе вопросами...

– Надоел, – подтвердил Стивен, отводя волосы с его лба.

– Все равно я спрошу тебя... тот друг, которого ты потерял... у тебя были с ним близкие отношения?

Стивен крайне удивился этому вопросу.

– Нет! Что ты! – покачал он головой. – Эдди был из слишком религиозной семьи, католической. Честно говоря, фанатичная религиозность, которая царила в их семье, всегда представлялась мне ограниченностью – она скорее исключение, чем правило. А две его сестры стали почти монашками. Это случилось после того, как его брат покончил с собой, – сказал Стивен и, чуть помедлив, произнес: – Слушай, странно как-то все получается... я и не задумывался над этим... Выходит, что религиозны мы или нет, но поступки мы совершаем, в общем-то, одинаковые. То есть наша приверженность какой-либо религии или отсутствие веры практически не отражается на том, что мы делаем. Вера не удерживает от греха, а почитание закона – от желания нарушить его. Может ли хоть что-нибудь остановить нас? Мне иногда кажется, что так называемой «свободы воли» вовсе и не существует. Есть одна только навсегда заданная предопределенность. Мы лишь следуем заранее написанной роли, произнося ее выверенные слова. Кто талантливо, кто бездарно – скороговоркой или нараспев – иной оттарабанил быстро свой текст, но впереди еще целый акт сидения в темном закулисье... а иной так долго собирался с силами, старался, пыхтел, но успел только приоткрыть рот, как перед ним уже падает занавес... Ты замечал, что чаще бывают счастливы те из нас, которые больше действуют, а не философствуют? Размышления наши рожают нашу печаль...

– В Библии, по-моему, немного иначе, – проговорил Брендон, – «Умножая знания свои, умножаешь печаль свою...»

– О, Брендон, да ты у нас, оказывается, знаток Писания! – сказал Стивен, кладя руку ему на пояс...

Глава 12. Розовые розы

Надо сказать, что спалось им здесь обоим отлично – чистый воздух и тишина делали свое дело. Но в эту ночь Стивен долго не мог заснуть. Последний разговор сильно взбудоражил его. И теперь ему вспоминалось разное, так – ничего путного, просто беспокойно было на душе. Чтобы побороть бессонницу, он решил подумать о чем-нибудь приятном.

И сразу же ему представился большой куст роз, усыпанный некрупными цветами того прекрасного нежного оттенка, название которому они сами же и дали. Картинка была такая живая, что Стив даже ощутил сладковато-томный запах, исходящий из глубины матовых лепестков. Раньше во дворе их дома всегда росли розы...

Он вспомнил, что держал их в руках совсем недавно – это было в тюрьме, за несколько дней до казни – и долго хохотал, обнаружив, что на всех стеблях предусмотрительно срезаны шипы – охранники явно перестарались. Розовые розы... – он думал тогда, что видит их в последний раз... Стивен просидел в тот день, наверное, не один час, любуясь ими: поворачивал и рассматривал каждый цветок в отдельности, огибал взглядом плавные линии тугих, еще не раскрывшихся бутонов, вглядывался в каждый лепесток, пытаясь постичь неизреченную тайну их совершенства.

...Зеленый куст страстно-ароматных роз...

Такой же куст, но чуть поменьше, рос и в палисадничке перед домом, где жил Эдди. Последний раз Стивен был там спустя месяц после его гибели. Стив очень хорошо запомнил весь тот день и всё, о чем он думал, подходя к дому друга.

Тогда и еще долго потом он корил себя за то, в чем не было его вины. Ему казалось – нет, Стив был просто уверен в этом! – что будь он в тот момент рядом, ничего бы не стряслось.

Стив думал, как неотвратимо меняется мир со смертью каждого человека. Особенно остро ощущаешь это в первые часы и минуты после случившегося. И первые чувства, которые тебя охватывают, – вовсе не горечь и тяжесть утраты, а изумление, немое недоумение, они заставляют взглянуть вокруг совсем другими глазами. Ты вдруг осознаешь, что мир изменился, стал иным, и в первую очередь из него исчезло так тщательно и упорно оберегаемое чувство защищенности. И кажется, что так будет теперь всегда – тоскливо и бесприютно. Единственные реалии, которые ты способен сейчас воспринять, – только холод и пустота, разлившиеся по всему окружающему миру, и какая-то пугающая, парадоксально усилившаяся от этого устойчивость и незыблемость его материальности...

...Мать Эдди была дома, она сидела за большим квадратным столом посреди комнаты. Ее потемневшее, обращенное книзу лицо составляло нечто единое с ее траурной одеждой, а весь облик: и тяжело опущенные плечи, и неподвижные руки на коленях – все заставляло вспомнить фигуру классической Пьеты: «Мать, оплакивающая своего сына...»

– Вот, Стиви, теперь у меня не осталось больше сыновей... – сказала она, поднимая усталые глаза, – только дочери...

– Тетушка Эмили... – начал Стивен и почувствовал, что любая из подходящих в таких случаях фраз будет сейчас неуместна. – Как умер Эд?

Мать посмотрела на него долгим взглядом, потом опустила голову и медленно, очень медленно начала рассказывать:

– Здесь... прямо на пороге нашего дома... Это случилось так быстро... На улице из-за чего-то началась драка... – а ты ведь помнишь его привычку всегда вступаться за кого-нибудь... Они проломили ему голову...

– Кто?

– Не знаю, никого из них не нашли... А я ничего и не видела – была в то время на кухне... потом какие-то крики, шум... прибежали ребята Марии – помнишь, соседка наша? – галдят, тащат меня за фартук... А я стою и не возьму в толк: чего им от меня надо? – тетушка Эмили замолчала, глаза ее заволокли слезы.

Стив сел напротив.

– Он умер сразу?

– Нет, еще жил с полчаса, но уже ничего не мог сказать... Когда доктора приехали, он был уже без сознания... они стали перевязывать его, делать какие-то уколы, но я сердцем почувствовала, что все это бесполезно... подошла и сказала: «Оставьте моего сына в покое, разве вы не видите, что он умер?» Они сделали вид, что не слышат, но сразу стали проверять, есть ли признаки жизни... потом повозились еще несколько минут... и все... А я села рядом с сыном... но не плакала... не могла... Иногда, когда горе слишком велико, слез совсем нет – они высыхают раньше, чем успеют скатиться... – тетушка Эмили закрыла глаза рукой.

Во время ее рассказа в комнату вошла младшая сестренка Эдди – худенькая девочка лет десяти с маленьким треугольным личиком, на котором все черты выглядели слишком крупными, и с таким страдальческим выражением больших карих глаз, что, казалось, один этот взгляд уже способен притягивать несчастья. Она встала позади матери, глядя исподлобья на гостя. Старшие ее сестры наверняка сейчас в церкви – где им еще быть? Стив кивнул ей, но девочка не ответила ему.

Стив опустил глаза. Он подумал о том, что мы так привыкли ежедневно – в кино, по телевидению, в прессе – сталкиваться с упоминанием о смерти, что считаем, будто очень хорошо осведомлены об этой составляющей человеческого бытия и вряд ли сможем уяснить себе здесь хоть что-то новое. Но стоит нам встретиться со смертью накоротке – как оказывается, что мы совершенно не готовы к этой встрече: смерть всегда потрясает нас, надолго выбивая из привычной будничной суеты. *Смерть всегда застаёт нас врасплох!*.. Только оказавшись с ней лицом к лицу, мы понимаем, что все наши прежние выводы были умозрительны и ничего теперь не стоят. Постигание смерти при близкой встрече с ней возможно только на уровне чувства, но не ума.

Стивен вздохнул и полез в карман за бумажником. В этот момент в лице матери Эдди промелькнул какой-то испуг:

– Стиви, сынок... Эдуардо обязательно отдал бы тебе те деньги... если был бы жив... обязательно бы отдал... но сейчас, ты знаешь... – Она запнулась и снова замолчала.

Стив с недоумением посмотрел на нее:

– Какие деньги?

– Ну... те пять тысяч... за которыми приезжала твоя жена.

– Шейла?! Когда это было?

– За неделю до того проклятого дня... – совсем тихо произнесла она.

Стив был настолько потрясен услышанным, что так и застыл с бумажником в руках. И более всего – тем, что мать Эдди видит сейчас в нем неумолимого кредитора!

– Тетушка Эмили, Эд мне *ничего не должен*, – медленно проговорил он, – и никогда не был должен. Это я его должник... навсегда!.. – Он торопливо вывалил на стол все содержимое своего кошелька: – Вот, это для вас... пожалуйста, возьмите. Эдди... – Стив так и не смог выговорить «был», – Эдди – самый дорогой человек для меня! Вы всегда можете рассчитывать на мою помощь.

Эмилия Мартинес недоверчиво посмотрела на лежавшие на столе доллары, сдержанно поблагодарила, но Стив понял, что эти деньги для нее сейчас, может быть, как вода в пустыне.

Все молчали, и в комнате стояла такая тишина, что слышно было только жужжание большой черной мухи, которая судорожно крестила пространство над столом и, не найдя себе пристанища, взмыла, наконец, к потолку. Комната была почти пуста, но несмотря на это, сейчас она стала казаться Стивену, наоборот, слишком тесной – тесной и душной!

Он сидел, глядя прямо перед собой, и сосредоточенно думал, пытаясь восстановить реальный ход событий. Во всем, что он услышал, особенно поразило его то, что названная сумма в пять тысяч долларов в точности совпадала с суммой штрафа, который ему присудили тогда за драку с братом Шейлы Вэлом. Получалось, будто Шейла ездила к Эду, чтобы занять у него деньги?.. Но дело в том, что деньги у Стива как раз тогда водились. Более того, штраф был к тому времени уже выплачен.

Стив даже не помнил в точности, что они не поделили с Вэлом Боноски. Вэл частенько наведывался к своей сестренке в первые месяцы после ее замужества, и Стив, естественно, не имел ничего против. Оба они немного выпили тогда. Шурин знал, что Стива легко вывести из себя, и стал в тот вечер, потехи ради, заводить его. В результате Стивен так врезал Вэлу, что до дома тот добрался на четвереньках, со свернутым на сторону носом.

Стив забыл о ссоре очень быстро, но не забыл о ней Вэл. Кроме того, что Вэл сделал все, чтобы упрятать зятя за решетку, и отсудил у него тогда кругленькую сумму на лечение, его с тех пор не покидала мысль круто отомстить Стивену. Но все это было еще задолго до гибели Шейлы...

В итоге, когда произошла трагедия с Эдди, Стивен отбывал свой последний из шести месяцев за драку с Вэллом. Можно было, конечно, сразу выйти под залог или еще как-нибудь полюбовно договориться с судом, но Стив не пожелал больше платить ни цента и предпочел отсидку, тем более срок был невелик. Он даже не сразу узнал о случившемся, потому что Шейла «забыла» ему об этом сказать!

Зачем Шейла тайком от него ездила к Эду? Что ей было нужно? Почему Эд сам не позвонил ему? При желании не составило бы труда связаться с ним и в тюрьме. Стив терялся в догадках: что-то не состыковывалось в этой череде событий, каких-то деталей – решающих деталей – не доставало. Одно виделось ясно: поездка Шейлы, деньги, гибель друга – все это звенья одной цепи. Здесь была какая-то хитрая ловушка, подготовленная, расставленная и захлопнутая его женой.

И вот теперь, сидя рядом с матерью погибшего друга, Стивен представил свою жену, ее яркую, вызывающую красоту, и в первый раз произнес фразу, которую повторял потом регулярно, до тех самых пор, пока она не обратилась в страшную реальность: «Я убью ее!» – прошептал он.

– Ты что-то сказал? – отозвалась мать Эдди.

– Нет-нет... ничего.

– Ты знаешь, Стиви, все это произошло так быстро... как несчастный случай... Ну что поделаешь? Значит, на то воля Божья... – губы тетушки Эмили сжались: – Лало ^[2] был мой первенец... Из всех – самый любимый...

Стивен поднялся. Прощаясь, он не мог даже смотреть ей в глаза.

Вернувшись и не застав жены дома, Стивен пулей влетел в спальню и принялся выбрасывать из шкафа Шейлины вещи, швыряя их прямо на пол. Чемодана он не нашел и начал запихивать вещи в попавшуюся под руку дорожную сумку. И тут на дне ее он наткнулся на странный пустой пакет: по внешнему его виду, без риска ошибиться, можно было сказать, что это... упаковка из-под наркотиков... Рядом с пакетом лежал маленький помятый листочек. Стив развернул его – это оказался старый телефонный счет. Он машинально пробежал глазами столбики цифр, даже не предполагая найти здесь что-то интересное. Но тут его внимание привлекло странное единообразие этих цифр: разговоры следовали подряд один за другим в течение нескольких дней и были очень небольшой продолжительности – по пять-семь минут каждый. Стив посмотрел на даты – получалось, что по времени разговоры приходились как раз на середину их с Шейлой медового месяца... Он перевел взгляд на колонку, где стоял номер телефона, с которым было соединение, – везде номер был один и тот же, и это был номер... Эдуардо Мартинеса...

Стивен скомкал листочек, крепко зажав его в кулаке, и опустил глаза. К сожалению, он очень хорошо помнил, что сам он не звонил Эдди в то время и не мог звонить, потому что друга его не было дома – он уезжал на заработки в соседний штат. По этой же причине Эд не смог даже приехать к нему на свадьбу. И Стив расстраивался, что все никак не может познакомить его со своей молодой женой.

Стивен простоял еще с минуту неподвижно, потом быстро побросал все вещи обратно в шкаф.

После этого он не предпринял ни одной попытки докопаться до истины, а Шейле не обмолвился ни единым словом, так и не позволив себе поверить, что в злополучном шкафу он наткнулся, быть может, на ту самую – недостающую – деталь...

Попытка спасти от падения пошатнувшийся пьедестал? Вероятно. Ведь низвержение богов – это так страшно! Каждому ли под силу сжечь то, чему поклонялся? Тем более если знаешь, что потом все равно поклонись тому, что сжигал... ^[3]

Сжечь куст розовых роз в своей душе? На это он был не способен...

– Сколько можно ворочаться? – послышалось в темноте.

– Тоже не спишь? – удивился Стивен. – О чем думаешь, Бренд?

Брендон скосил взгляд, но ничего не ответил.

– А я вот думаю: почему ты все еще со мной?

– Потому что я люблю тебя, – проговорил Брендон.

– Как любовника или просто как человека?

Брендон на минуту задумался:

– А какой ответ ты бы хотел услышать?

– Только такой, какой ты сам хотел бы произнести.

– Тогда... как человека, – сказал Брендон, натягивая на себя одеяло. – Тебе было бы приятнее первое?

– Не знаю, – отозвался Стивен. – Мне приятно уже то, что я тебе небезразличен. Порой так важно знать, что ты кому-то небезразличен...

Глава 13. Кровные братья

Утром Стивен вскочил взъерошенный.

– Приснилось что? – зевая, спросил Брендон.

– Да... – прохрипел Стив. – Бушующее пламя... я его отчаянно тушил, но все напрасно.

Плохой знак!

– Не бери в голову, – махнул рукой Брендон.

Стивен подошел к окну.

– Раньше мне часто снились такие сны, – проговорил он, стоя спиной к Брендону, – когда я занимался этим профессионально – целых два года. Но в тех снах я всегда справлялся с огнем.

– Почему же ты оставил эту работу?

– Разонравилось... – пожал плечами Стив.

– По-моему, когда мы с тобой встретились, ты был безработным. А до этого чем занимался?

– Много чем, – не оборачиваясь, ответил Стив, – я строил, возил, продавал... Ты не поверишь, но какое-то время даже проповедовал – недолго, правда.

– Ну и откровение! – хмыкнул Брендон. – Так вот откуда твоя страсть к разглагольствованиям. Это ценная информация – ее можно было использовать в суде.

– Ага, тебе только что-нибудь расскажи – ты из мухи слона сделаешь. А когда-то я еще плавал и стрелял.

– Да... – протянул Брендон. – Если судить по числу профессий, которые ты сменил, они надоедали тебе быстрее, чем ты успеваешь их освоить.

– Как раз наоборот, – сказал Стивен, отходя от окна, – когда я овладеваю чем-то достаточно хорошо, интерес пропадает сам собой, и я чувствую, что надо искать другое дело.

Они позавтракали, почти не разговаривая, и Стивен сразу же, лишь бы чем заняться, начал кропать листья салата. А Брендон пошел в гостиную и в который раз принялся перебирать книжки на полке – все было уже прочитано и пролистано. Ожидание становилось все тягостнее, и Брендон подумал, что это нескончаемое безделье превращается в сущее наказание и оба они уже начинают от него дуреть.

– Что-то сегодня уж совсем тошно! – прокричал с кухни Стивен, словно читая его мысли. – Где же твой архангел Майкл? Похоже, мы его не дождемся.

Брендон насупился: это был тот вопрос, который он и сам постоянно себе задавал и ответа на который взять было неоткуда.

– А-а-а! – вдруг громко закричал Стив. Брендон, побросав книги, кинулся на кухню:

– Что случилось?!

– А, ерунда. Порезался.

– Ну, знаешь ли... Ты так заорал.

– Я вообще на слабую боль острее реагирую, чем на сильную, – виновато улыбнулся Стив, – и так было всегда, с самого детства. Как-то давно, лет десять назад, я попал в аварию. – Едва только Стивен произнес это, Брендон понял, что опять становится на неопределенное время терпеливым слушателем. – Мы ехали с дружкой на мотоцикле, – продолжал Стив, – неслись, что называется, на всех парах. И тут под колеса нам рванул какой-то зверек – собачонка или другая мелочь. Я свернул не очень резко, но все равно мы полетели кувырьком. Приятель мой отделался синяками и ссадинами. Мне повезло меньше: я ударился спиной и несколько дней не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, даже прикосновений не чувствовал. Вроде был в сознании, но соображал с трудом – это было и к лучшему, иначе я, наверное, умер бы от ужаса, узнав о тех перспективах, которые мне пророчили. Так я пролежал неделю или чуть больше, а потом всё как-то само собой вернулось.

– С тех пор ты реагируешь на боль неадекватно?

– Может быть... Но, скорее, так было всегда.

– И поэтому не любишь собак, – констатировал Брендон.

– Я же сказал, – ответил Стив нетерпеливо, – я не знаю, была ли это собака, или другое животное. И потом, почему ты решил, что я не люблю собак? У меня их перебивало с десяток.

Брендон собрался было сказать, что недавно он слышал нечто прямо противоположное, но тут же передумал и, постояв немного, вышел в коридор. О чем бы ни начинали они сейчас говорить, беседа быстро пресекалась, потому что ни у одного из них не было желания продолжать ее.

– Ну вот, все готово, – сказал Стивен, воткнув вилку в свое творение. – Хоть сейчас обедай.

– Спасибо, не хочется.

Брендон спустился во двор и начал неторопливо прохаживаться под самыми окнами, глядя на шуршащую под ногами черную гальку.

Он стал перебирать в памяти их вчерашний ночной разговор. В конце концов ему удалось вытянуть из Стива признание, которого он так долго от него добивался. Но какое значение это имело сейчас? Он лишь получил подтверждение тому, в чем и так был уверен! Для себя он уже давно на все сто оправдал Стивена. А ситуация как была тупиковой, так тупиковой и оставалась.

Брендон поглядел на небо. Дождь, шедший всю ночь, прекратился, и сквозь поредевшие тучи начало пробиваться солнце. Под первыми его лучами засверкали гладкие, только что умытые дождем стволы выстроившихся по краю леса сосен. В воздухе было чисто и свежо. Но не в пример разгулявшейся погоде на душе становилось все пасмурнее.

Брендон опять с головой погрузился в свои мысли и, когда вдруг услышал голос за спиной, не сразу понял, что это обращаются к нему:

– Добрый день! Прошу прощения, сэр...

Брендон обернулся – за оградой стоял веснушчатый паренек лет пятнадцати в футболке и шортах, с тощим рюкзачком за плечами.

– Прошу прощения, – повторил он, – мне нужна мисс Трейнор. Мисс Джулия Трейнор. Она живет здесь где-то рядом.

Брендон обалдело уставился на него и ничего не отвечал. За все то время, что они прожили в домике, ни одна живая душа еще не наведальась сюда.

– Вы не можете сказать, как выйти к ее дому?

– Ничем не могу вам помочь, – произнес, наконец, Брендон, – здесь поблизости нет других строений. Может быть, по другую сторону от шоссе?

Паренек снова извинился и стал спускаться вниз по тропинке. Проводив его взглядом, Брендон обернулся: на пороге уже стоял Стивен.

– Я все слышал, – сказал он. – Не нравится мне это... Он не рыбак и не охотник, и одет совсем не для леса. И он знал, в какую сторону идти к шоссе!

– У твоего страха глаза велики: просто он по этой же тропинке забрел сюда.

– Я видел, откуда он шел – со стороны леса. – Стив сразу помрачнел: напуган он был не на шутку. – Надо сматываться отсюда... – тихо проговорил он.

– Куда? Без документов?

– Ерунда! Что-нибудь разыщем, – Стив стрельнул глазами по сторонам. – Так... Майка больше не впутываем. – Схватив куртку, он стремглав бросился из домика.

– Куда ты?! – кинулся ему вдогонку Брендон, но Стивен уже сбегал по тропинке.

– Вещи собирай! – прокричал он и скрылся за поворотом.

Часа не прошло, как Стивен, взмыленный и запыхавшийся, вновь появился на пороге.

– Пошли! – крикнул он Брендону, сидевшему посреди комнаты. – Так... еще что-нибудь пожрать, чтобы нигде не останавливаться. – Он подхватил из прихожей дорожную сумку, быстро запахал в нее несколько банок и выбежал обратно.

Брендон поднялся, прошел в коридор и, еще ничего не понимая, снял с крючка у входной двери ключи.

Увидев стоящий на обочине просторный, с тонированными стеклами джип, Брендон встревожился:

– Ты что, угнал его?

– Угнал, угнал, – спокойно заверил его Стивен. – Садись.

Брендон вздохнул и, как само собой разумеющееся, сел за руль.

– Куда? – спросил он с тусклой интонацией таксиста.

– Пока что подальше отсюда и побыстрее.

– А потом?

– В ближайший аэропорт! – Стив сопроводил свою фразу размашистым актерским жестом.

– Ты в качестве багажа собираешься лететь? – вяло сострил Брендон, вырuling на шоссе.

Стивен неторопливо вытянул из кармана джинсов водительское удостоверение и еще пару корочек и потряс ими перед Брендоном:

– Вот, смотри: вылитый я! И зовут меня теперь... – Он принялся рассматривать чужие документы.

Брендон вытаращил на него глаза:

– Где ты это взял?!

– Поделится владелец этой лошадки, – хитро улыбнулся Стив.

Брендон развернулся к нему, и на лице его появилось выражение брезгливого ужаса:

– Что ты с ним сделал?!

– Проломил череп и сбросил в пропасть! – буркнул Стив, не отрываясь от просмотра документов, потом глянул на Брендона и, закинув голову, расхохотался: – Да цел твой водитель: сидит и кукует сейчас на обочине. Я его и пальцем не тронул. Ну... почти.

– Думаешь, он так и останется там сидеть? – недоверчиво покосился Брендон. – Эта машина уже наверняка в розыске.

– До вечера обещался сидеть, – пожал плечами Стив. – Мы с ним... так договорились.

– Заплатил ты ему, что ли? – Брендон прибавил скорость.

– И это тоже. Но больше... – Стив причмокнул: – Чтобы получить то, что тебе требуется, не обязательно всё и вся изрешетить на своем пути, надо лишь немного знать людскую психологию.

Брендон молчал, сосредоточенно глядя на дорогу. Стивен запихал документы обратно в карман и ненадолго задумался.

– Ну и рожа у тебя сейчас! – хмыкнул он, снова посмотрев на Брендона. – На ней поперек написано: «Господи, с кем я связался?!»

Они ехали уже несколько часов. Стивен курил, болтал о том о сем, Брендон больше молчал. Новый поворот событий подействовал на него угнетающе. В лесном домике под ногами была хоть и зыбкая, но почва. Сейчас опять все пошло вразнос. Даже ближайшее будущее расплывалось в густом тумане. Брендон тихо вздыхал и мрачнел еще больше.

– Мистер Чернее Ночи, да на тебя смотреть страшно! – Стивен засмеялся и игриво потрепал его по затылку. Брендон невольно отстранился – этот жест показался ему сейчас таким странным, как будто все, что произошло между ними в лесном домике, только там было возможно и там же навсегда должно было и остаться.

Стивен снова закурил.

– Ты ведь у нас полдня за рулем, – сказал он. – Давай я сменю тебя. Останови после подъема.

Брендон снова промолчал, хотя вести машину было ему сейчас не в тягость. Движение на этом участке трассы было мало интенсивным, никто никому не давил на пятки, не действовал на нервы – ехать одно удовольствие. Они миновали подъем, и Брендон заметил, что Стивен вдруг подозрительно притих и, чуть наклонившись, сосредоточенно смотрит в зеркальце бокового вида.

– Что ты там увидел?

Стив сверкнул глазами и сдавленно произнес:

– Брендон, за нами хвост!

– Не может быть! Тебе показалось, – Брендон резко прибавил скорость, и машина, на которую грешил Стивен, сразу же осталась далеко позади.

– Где мы могли засветиться? – сокрушался Стив. – На автозаправке, что ли?

– Нечего было вылезать и разгуливать там, – Брендон глянул в зеркальце: расстояние до шедшего сзади автомобиля снова сократилось – похоже, за ними действительно идут по пятам.

– Ну что? Видишь теперь?

– Это еще ничего не значит, – буркнул Брендон.

– Не значит?! По-твоему, нас догоняют, чтобы спросить, какая завтра погода? Ничего ты не понимаешь! Это твоя решетка и моя смерть!

– Но машина не полицейская.

– Разуй глаза – это типичная шерифская тачка! – обернувшись назад, прокричал Стивен. – Ну вот, Брендон, полюбуйся: тебе сигналият! Ты же человек с чистой совестью – почему бы тебе не остановиться? ... Так, теперь рулить буду я! – скомандовал он. – Пересаживаемся!

– Ты что?! – вытаращился на него Брендон. – Мы же разобьемся! Посмотри, на какой скорости мы идем!

– Не разобьемся – я держу руль. Ставь ноги сюда и полезай!

– Куда?!

– Куда, куда, – огрызнулся Стив, – да хоть на крышу!

– Ничего не выйдет!

– Еще как выйдет! – Стивен энергично подтолкнул Брендона в спину, и тот глазом не успел моргнуть, как Стив оказался за рулем, а сам он – на его месте.

– Не думал, что такое возможно... – покачал он головой, глядя на то, с какой легкостью Стив управляет машиной: в его руках она затанцевала, как хорошо выезженная лошадь. – Первый раз попадаю в подобную переделку.

– Я тоже! – В голосе Стивена звучало озорство, погоня раззадорила его. Он умудрился еще прибавить скорость. Сейчас они шли уже на пределе, и любое неверное движение могло стоить обоим жизни.

– Сбавь скорость! – взмолился Брендон. – Это самоубийство!

– Сиди смиренно и следи за дорогой! – рявкнул на него Стив.

Брендон попытался разглядеть в зеркальце преследовавшую их машину, потом оглянулся и... не поверил своим глазам.

– Стив... Стив! Они стреляют по колесам!

– Вижу, – проскрежетал Стивен, продолжая давить на газ. От его недавней веселости не осталось и следа. – Посмотри, сколько до города? Там легче будет оторваться.

– Думаю, миль двадцать, – предположил Брендон, потому что увидеть что-либо на бешено мелькавших указателях было уже невозможно. Он снова оглянулся – расстояние между ними опять стало увеличиваться. В этот момент раздался зловещий хлопок, и густая паутина из трещин покрыла заднее стекло.

– Гады! – заорал Стив. – Да что ж они?! Мать их! Они же знают, что *ты* со мной! – Он еще пару раз выругался. – У тебя есть пушка?

– Ты что?! Откуда?!

– Плохо! – мотнул головой Стив. – Пригни башку, она у тебя слишком торчит! – Он метнул взгляд в сторону Брендона и увидел, что тот вдруг откинулся на спинку сиденья и схватился рукой за грудь. – Сволочи! – выдохнул Стив, остервенело крутя руль. – Брендон, держись, мы сейчас оторвемся!

Через каких-то пять минут Стивен уже виртуозно выкручивал по городским улицам, пытаясь уйти от преследования. Джип заносило на поворотах, их кидало из стороны в сторону, а уши глохли от скрипа шин и визга тормозов.

– Отрывайся, Стив, отрывайся... – шептал Брендон, медленно сползая по сиденью.

Почти не сбавляя скорости, за считанные минуты они проскочили городишко. И когда после еще двух крутых поворотов джип оказался на забитой машинами широкой магистрали, Стивен радостно закричал:

– Оторвались! Мы оторвались, Бренд!

Брендон не реагировал, тупо глядя на залитую кровью руку, которой он сжимал рану на груди.

– Потерпи немного, – успокоил его Стив. – Сейчас я отвезу тебя в больницу – здесь недалеко.

Брендон устало посмотрел на него:

– Какая больница?... Ты с ума сошел... Нас сразу вычислят...

– Где же я возьму тебе сейчас частного доктора? Другого выхода нет.

– Не надо... – прошептал Брендон, и голова его опустилась Стивену на плечо.

– Брендон! Ты что, умирать собрался?! – Стив схватил его за руку, сжимавшую подлокотник. – Не смей! Слышишь?! Мы так не договаривались! – Он развернул машину и снова погнался, одной рукой держа руль, а другой обхватив друга за плечи.

– ...Положение очень тяжелое: шоковое состояние, большая потеря крови. – Эти последние слова дошли до Стивена не сразу. Мгновение он стоял неподвижно, потом поднял на врача помертвевшее лицо и вдруг, схватив его за ворот, затряс изо всех сил:

– Ты спасешь моего брата! Спасешь, гад! Я приволок его сюда живым! Он еще дышит! Ты сделаешь ему операцию! Слышишь, сволочь?

– Уберите руки! – заорал врач, стараясь высвободиться. – Успокойтесь! Я просто предупредил вас. Не думайте, что я Господь Бог. Кроме того, у нас недостаточно крови для переливания: ее надо много и прямо сейчас.

– Вот! – Стивен задрал рукав по локоть: – Первая положительная. Берите, сколько надо!

– Это уже лучше, – оживился врач, – можно сделать прямое переливание. Пройдите сюда для экспресс-анализа. Вы с ним кровные братья?

– Нет.

– Тогда нужен еще тест на совместимость.

...Самый неприятный для Стивена момент – медицинских манипуляций – миновал, и тоненькая прозрачная трубочка, тянувшаяся от его руки, стала медленно заполняться темной жидкостью.

«Это у меня такая кровь? – удивился он. – Прямо шоколад! Что ж, Брендон, надеюсь, не отравишься».

Лежать пришлось долго. У Стивена затекла спина, хотелось повернуться, посмотреть, как дела у Брендона, – похоже, его уже начали оперировать. Но правая рука была плотно зафиксирована, приподняться он не мог и видел перед собой лишь светло-зеленые спины хирургов. Стив попытался шевельнуться, на него цыкнули, и он понял, что надо набраться терпения и лежать, сколько потребуется. Но уже через несколько минут переливание было закончено, и ему разрешили встать. Стивен поднялся.

«Ну вот, Бренд, теперь мы с тобой кровные братья, – подумал он, глядя на порозовевшее лицо Брендона. – Пока, друг, выздоравливай! А мне пора уносить ноги».

Медсестра взяла Стива за локоть и подвела к двери.

Первый же его шаг за порог операционной завершился звонким щелчком наручников. Ноги у Стивена подкосились, и он повалился на не ожидавших этого полицейских.

Из операционной выскочил ассистент:

– Я же спрашивал вас: вы мне сказали, что недавно плотно пообедали!

– Времени уже не было... – еле выговорил Стив.

Его усадили на стул, дали выпить чашку крепкого кофе, измерили давление. Подошел врач, пощупал у Стивена пульс и извиняющимся голосом сказал:

– Мы хотели взять у вас полторы пинты крови, но потом немного обсчитались – и получилось чуть больше. Но я думаю, это не повредит вашему здоровью.

– Спасибо, что сказали, а то они, – Стивен мотнул головой в сторону полицейских, – верно, подумали, что я это от страха.

Врач кивнул и, развернувшись к копам, предупредил:

– Физические нагрузки сегодня исключить. Он должен весь день отдыхать.

– У него теперь будет достаточно времени для этого, – последовал ответ.

Часть III

Глава 14. Новое заточение

Брендон не приходил в себя уже третью неделю. Состояние было стабильное, но врачи не обещали ничего утешительного. А тем временем тучи над Стивеном начали быстро сгущаться. В рекордно короткие сроки было сострепано новое дело. Стиву инкриминировали побег с захватом заложника, включив при этом и всякую мелочь типа шантажа и угона автомобиля.

Ему назначили нового адвоката, которого судьба подзащитного Кларка не очень-то волновала. Адвокат этот был уже тертый калач, но к тому времени, когда он обзавелся и брюшком, и лысиной, карьера его остановилась на точке замерзания, не оставляя никаких шансов на изменение ситуации. Неудивительно, что подобный служитель закона не погнушался теми – не бог весть какими – деньгами, которые посулил ему на этот раз брат Шейлы.

Стивен все это сразу почувствовал и возненавидел своего защитника – ожидать какой-либо помощи с его стороны было бессмысленно. И Стив не отказывался от адвоката только потому, что надеялся через него получать более или менее достоверную информацию о Брендоне.

Новый защитник – если его вообще можно было так назвать – при первой же встрече заявил своему подзащитному, что положение практически безнадежно, поскольку решающим фактором при рассмотрении второго дела будет вынесенное ранее обвинительное заключение по первому. С этой минуты Стив вообще перестал отвечать на все вопросы, дав утвердительный ответ лишь на один – считает ли он себя виновным.

На его беду слишком много на этот раз оказалось людей, заинтересованных в том, чтобы повторный суд над Стивеном Кларком состоялся как можно скорее, пока главный свидетель – Брендон О’Брайан – находится в коматозном состоянии. Как ни печально, но среди них было много друзей и благодетелей Брендона. Очень быстро отыскалось подозрительное количество свидетелей, и, конечно, всё, что они сообщали, было не в пользу обвиняемого.

Стивен как сторонний наблюдатель взирал на эту мышиную возню вокруг себя и только диву давался, как им всем не терпится поскорее избавиться от него! Всё это так быстро ему надоело, что он и сам стал думать: лучше уж скорее! Какой еще суд? Трата времени. Но время – субстанция нежная и не терпящая прессинга... Стоит ли торопить то, что и так летит слишком быстро? Стивен и глазом не успел моргнуть, как пролетел суд с его заранее спланированным результатом, и дни вслед за этим запрыгали со скоростью стрелки секундомера.

Вскоре ему сообщили дату исполнения приговора и то, что на этот раз будет применен другой, более прогрессивный способ, а именно: введение в организм сильнодействующего вещества, приводящего к быстрой остановке сердца. Первое, что сделал Стив, услышав эту новость, – накинулся на своего любезного адвоката:

– Какого черта?! Меня это не устраивает! Может быть, я хочу, чтобы меня повесили или расстреляли?

– В нашем штате не применяется такой вид казни, – спокойно отвечал адвокат, – вы же знаете.

– Нет, не знаю! И знать не хочу! – орал Стив. – Немедленно подайте апелляцию и укажите, что осужденный просит изменить способ казни!

– Подобная апелляция не будет даже рассматриваться. Думаете, специально для вас здесь соорудят виселицу?

– Я обойдусь без ваших комментариев! Выполняйте свои обязанности – делайте то, о чем вас просят. И до свидания! – зло отрезал Стивен.

– Все-таки должен заметить, что способ, который для вас избран, – самый гуманный...

– Скоро увидим! – ядовитым тоном процедил Стивен, и непонятно было, чего больше в его словах: цинизма или горькой иронии. В общем-то, Стиву было на все это плевать. Его бесило лишь одно: что Всемогущее Правосудие имело возможность распоряжаться его судьбой до самого конца, даже здесь не предоставляя ему – в целях гуманности – право выбора.

...До рокового часа оставалось два дня. Стивен сидел и думал: какой все-таки подлюга этот адвокат! Глядя на него, можно решить, что вся их братия такова. Прав был Брендон, когда как-то сказал, что есть разные люди... Как он там сейчас? Стивен просил, чтобы ему разрешили навестить Брендона в больнице, но до сих пор не получил никакого ответа.

«Если этот гад придет сегодня, ничего не разузнав о Брендоне, я его задушу! Конечно, он не подал апелляцию. Ну что ж? Другого уже не остается: придется теперь развлечься и этим зрелищем». Тогда, в первый раз, Стивен не фиксировал внимания на деталях. Теперь он получал возможность проследить процедуру убивания более подробно: несколько человек умерщвляют одного, следуя строго заведенному распорядку – ритуальное убийство, да и только! Забавно!

Стивен глянул на часы, подаренные Брендонем, которые, на его удивление, ему позволили здесь оставить. Со временем явно творилось что-то странное: оно то несло вскачь, то будто останавливалось.

В коридоре послышались шаги: «Идет... Чтоб он провалился!» Но вместо того, кого он ждал, Стивен увидел в конце коридора высокую, до боли знакомую фигуру...

– Бренд... – прошептал Стив и как полоумный рванул к решетке. – Брендон! – кричал он.

Брендон О'Брайан, немного похудевший и осунувшийся, в элегантной тройке и с неизменным портфелем в руках, шел, слегка улыбаясь, ему навстречу! Едва он прошел в камеру, Стив набросился на него и сжал в объятьях.

– Не дави ты так. Больно! – взмолился Брендон.

– Ой, прости! Я так обрадовался! – выпалил Стив, сияя от счастья. – Я же ничего не знал! Когда ты пришел в себя?

– Неделю назад. А позавчера сбежал оттуда. – Брендон взял Стивена за плечи. – Сядь и выслушай. У меня сейчас время на вес золота. – Брендон говорил медленно, тихим голосом. – Стив, я перетряхнул все материалы по твоему делу. То, что они на этот раз сделали с тобой, – сущее беззаконие! Но ты сам помог этому.

Стивен смотрел на него с восторгом.

– Чему ты улыбаешься? Ты отказывался отвечать, согласился с глупостью о заложнике. Ты же этим сам наклепал на себя. В результате все двенадцать присяжных в один голос сказали «да».

– Даже если бы их было двенадцать тысяч и среди них смог затесаться один, который сказал бы «нет», это ничего не изменило бы. И потом... – Стив вздохнул, – мне было как-то все равно... Ты же знаешь: я фаталист.

– Ты трепач и пустозвон! – обругал его Брендон. – Кто говорил мне про то, как он любит жизнь? Могу тебе точно сказать: сейчас ты сам вырыл себе могилу! А твой теперешний адвокат – идиот под стать тебе. У него в руках были такие рычаги, каких не было у меня. Он не воспользовался ни одним. Если бы он действовал с умом, они не решились бы вторично приговорить тебя. – Брендон остановился, переводя дух, видно было, что он устал.

– Ты еще не совсем поправился, – сказал Стивен. – Что ты собираешься делать?

– Я добьюсь пересмотра дела. Главный свидетель здесь – я, и с учетом моих показаний все меняется.

– Что ты докажешь: что ты был соучастником побега?

– Что я не был заложником!

– У тебя ничего не получится, – покачал головой Стив. – Никто не отменял мой первый смертный приговор, меня все равно казнят, а твоя жизнь будет погублена.

Брендон усмехнулся:

– Всё это – слово в слово – я слышал вчера, но совсем в другом месте. Я беседовал с главным прокурором.

– Ну и что он сказал тебе?

– То же, что и ты: «Я понимаю, что, стараясь спасти своего бывшего подзащитного, вы действуете из самых лучших побуждений, но тем самым вы рискуете сломать свою собственную судьбу», – отчеканил Брендон.

– Значит, я прав... – тихо сказал Стивен.

– Ты ничего не понимаешь! Сейчас ситуация складывается совершенно иначе, и ее легко будет переломить. А себя я как-нибудь сумею сам защитить. Сейчас главное – отсрочить исполнение приговора. Без боя я тебя не отдам!

– Поедешь к губернатору? – с сомнением спросил Стивен.

Брендон кивнул.

– Только не суетись слишком. Держись спокойнее, – напутствовал его Стив. – И послушай, что я скажу тебе: все произойдет так, как должно произойти. Если мне суждено умереть – значит, я умру, и ты ничего здесь не сможешь изменить, если же нет, то твои жертвы не окажутся напрасными. Только и всего. Не пытайся идти против того, что есть промысел Божий и что постичь нам не дано. И главное – не смей потом изводить себя упреками, ты ведь на это мастер! Запомни: этот грех прощается труднее всего. Ну, удачи! – Они торопливо попрощались.

И когда Брендон уже шел обратно по коридору, Стивен, провожая его взглядом, подумал, что за то недолгое время, пока они не виделись, он успел так свыкнуться с мыслью о скорой и неминуемой смерти, что ему и вправду было *все равно*... И тогда он спросил себя: «А хочу ли я, чтобы Брендону удалась его хлопоты?» – и тут же услышал свой одними губами произнесенный ответ: «Да, хочу!» От этого ему сразу стало как-то спокойнее, потому что он хорошо знал: чем чистосердечнее ответ, тем вероятнее, что так все и случится...

...О'Брайан сидел, утонув в кресле, и ждал, когда, наконец, нарочито долго роющийся в бумагах на своем столе председатель Комиссии по помилованию объявит ему решение. Время от времени на Брендона наваливалась тяжелая усталость, а перед глазами начинали искриться маленькие звездочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.